

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ИЗ ГЛУБИНЫ

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Из глубины

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Из глубины / В. В. Головачев — «Эксмо», 2019 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-099013-9

Новое задание командования перебрасывает группу полковника Вербова в Тихий океан. Цель — расследовать загадочное исчезновение боевой глубоководной станции системы «Периметр» и субмарины «Камчатка», отправленной на ее поиски. Ситуацию осложняют вечные стратегические «друзья» России, американцы, объявившие этот район океана зоной своих интересов вне зависимости от того, что происходит в глубинах. А разворачиваются там грандиозные события, способные подвести Землю к грани апокалипсиса. И только воля и разум людей могут остановить это смертельное соскальзывание в пропасть. Если успеть, если услышать, если понять...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099013-9

© Головачев В. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василий Головачёв

Из глубины

Пролог

В конце войны

Операция «Валькирия-2» началась в феврале тысяча девятьсот сорок пятого года.

Из немецкого порта Готенфахен вышли в море три подводные лодки из «конвоя фюрера». Две из них – U-530 с экипажем из шестнадцати подводников под командованием капитана Бернхарда и U-977 под командованием капитана Шеффера – двинулись через Балтику в Атлантический океан, чтобы потом выйти к Антарктиде. Обе они в июле и августе 1945 года сдались властям Аргентины.

Третья субмарина, U-666 под командованием капитана Юргенса, тоже двинулась к Антарктиде, но кружным путём: через северные моря, омывающие Россию, Берингов пролив и Тихий океан.

Целью операции было закончить обследование берегов Антарктиды, начатое ещё в 1938 году, и создать там секретный форпост – Новую Швабию.

В 1943 году база была построена, о чём с пафосом заявил адмирал Денниц: «Германский подводный флот гордится тем, что на другом конце света создал для фюрера неприступную крепость!»

За годы войны в Антарктиду были перевезены сотни специалистов по сооружению военных объектов и несколько тысяч военнопленных, узников концлагерей. Сюда же были доставлены огромные запасы горючего и продовольствия.

Но если первые две подлодки, следовавшие через Атлантический океан, дошли до берегов Антарктиды, после чего ушли в Аргентину и сдались, то третью субмарину ждала иная судьба.

Она перевозила не топливо, не продовольствие и не пленных. Субмарина имела на борту груз золотых слитков весом в две тонны. Возможно, именно поэтому, больше беспокоясь о встрече с английскими миноносцами, чем с российским Северным флотом, Юргенс и избрал более длинный путь, рассчитывая незаметно проскочить русские северные моря и пересечь Тихий океан.

Однако этому замыслу не суждено было сбыться.

Опускаясь к Южному полюсу по стовосьмидесятому меридиану и достигнув десятой параллели, субмарина на глубине в сто пятьдесят метров внезапно наткнулась на странное явление: корпус лодки завибрировал, словно от удара тяжёлой сваей, во всех её отсеках родился жуткий бухающий шум, словно заработали гигантские кузнечные мехи, а матросов охватил необоримый страх, проникающий, казалось, в каждую клеточку тела.

Юргенс механически отдал приказ погрузиться на максимальную глубину, посчитав, что странные шумы рождены взрывами глубинных бомб, сбрасываемых надводными кораблями, нагнавшими субмарину. Но это не помогло. Паника среди подводников усилилась. Сошёл с ума старпом: начал задраивать люки в перегородках между отсеками, потом полез в пристройку, чтобы открыть верхний люк. А когда принялся стрелять, крича: «Нихт капитулирен!» – его застрелил капитан.

Лодка между тем стала неуправляема.

Юргенс, тоже на пороге сумасшествия, велел открыть огонь из носового торпедного аппарата. Команда повиновалась, выпустив две «семёрки»¹, которые разорвались в сотне метров от субмарины.

Взрывная волна сотрясла лодку. Застонали переборки, в рубку начала просачиваться вода. Затем на неё обрушилась тяжёлая – по ощущениям – гигантская туша, если верить показаниям приборов – больше кита, и повлекла лодку в глубину.

Подводники потеряли сознание, уже не увидев, как гигантское существо, на самом деле больше похожее на кальмара, проглотило субмарину и нырнуло с ней в подобие кратера вулкана, расположенного между каменными складками на дне океана, на глубине больше одного километра.

¹ Торпеды G7a.

Глава 1

Исчезновение «Статуса»

Тихий шелест винтов, позволяющих подводной лодке разгоняться под водой до скорости в тридцать пять узлов, стих. Какое-то время лодка шла по инерции, пока не замерла на глубине в четыреста метров, не доступной никаким системам обнаружения потенциального противника.

– Дошли, – негромко проговорил Тимур Магарамов, старший помощник капитана «Камчатки», капитан-лейтенант.

– Спускаем собак, – обронил капитан подлодки Дмитрий Ашмарин, невысокий блондин тридцати пяти лет от роду, капитан первого ранга.

Это означало, что лодка начинает поиск объекта всеми средствами обнаружения, имевшимися на борту.

Атомная субмарина Дальневосточного военно-морского флота России «Камчатка» представляла собой подлодку поколения 4+ класса «Ясень-М» и была включена в состав флота недавно, всего два года назад. Лодки такого класса американцы недаром прозвали «тихим ужасом глубин» и «самым страшным противником флота США».

«Камчатка» создавалась как многоцелевая ударная субмарина, предназначенная не только для борьбы с авианосцами и стратегическими подлодками любых флотов мира, но и с важными объектами инфраструктуры на побережье. Для этого она была снабжена комплексами крылатых ракет «Оникс», «Бирюза» и «Калибр-ПЛ», а также десятью пусковыми установками сверхзвуковых торпед «Гарпун» и подводными беспилотниками класса «Секрет», способными работать на глубинах до двух километров.

Длина лодки достигала ста тридцати девяти метров, водоизмещение – четырнадцать тысяч тонн. Глубина погружения – до восьмисот пятидесяти метров. Но самое главное – в конструкции «Ясень-М» применялись новейшие виброизолирующие и звукопоглощающие материалы, а их корпуса покрывались специальным резиновым слоем, в разы снижающим гидролокационную заметность корабля, что и превращало его в смертельно опасный «призрак» океана.

Кроме того, «Камчатка» обладала сферической антенной компьютеризированной цифровой гидроакустической станции «Иртыш», прятанной в носовом отсеке, перед центральным постом, которая позволяла ей безошибочно определять координаты противника в радиусе до пяти километров.

Конечно, по некоторым параметрам, таким как глубина погружения, скорость хода или вооружение, она уступала новейшим подводным атомоходам пятого поколения «Хаски», которые уже проходили ходовые испытания, тем не менее модернизированные «Ясени» ни в чём не проигрывали американским субмаринам класса «Вирджиния» и «Огайо», а по скрытности, скорости хода и вооружению превосходили их.

– БЧ-1? – сказал Ашмарин, располагавшийся в своём ложементе командира перед сенсорной панелью управления и главными экранами.

– Пока ничего, – ответил командир группы локаторщиков старший лейтенант Хлопонин.

– Запускайте «КС».

– Есть запускать «КС»! – ответил командир БЧ-3 лейтенант Мережко.

Спустя две минуты лодка выстрелила роботизированным комплексом «Секрет», управляющим группой беспилотных подводных глайдеров, способных искать мины, субмарины противника, боевых подводных пловцов в режиме реального времени, а также сканировать дно морей и льды.

– БС на базу!

– Есть БС на базу!

Лодка метнула к поверхности океана буй, служащий антенной спутниковой связи. В районе остановки «Камчатки» была ночь, да и район нельзя было назвать особо судоходным, поэтому буй никто не мог бы увидеть.

– Спутник над нами, – доложил начальник группы связи.

Ашмарин связался с Дальневосточной базой флота и сжато доложил о выходе субмарины в заданный район океана. «Камчатка» находилась в шестистах километрах от Гавайских островов, на одном из которых располагалась знаменитая база Тихоокеанского флота военно-морских сил США Пёрл-Харбор.

Всего архипелаг насчитывал двадцать четыре острова и атолла. Самыми крупными из них являлись Гавайи и Оаху, на котором, собственно, и разместились порт и база, включающая семь эсминцев класса «Арли Бёрк», двенадцать атомных ракетносцев класса «Лос-Анджелес» и две субмарины класса «Вирджиния».

В задачу экипажа «Камчатки» входило выяснение причин молчания «изделия 101», или АГС, – боевой атомной глубоководной станции системы «Периметр», созданной в России для гарантированного ответного удара в случае начала атомной войны. Американские военные прозвали эту систему Dead Hand – «Мёртвая рука».

Модуль АГС проекта «Утёс» был установлен на дне океана на глубине в одну милю, имея на вооружении две новейшие атомные торпеды «Статус-6» с дальностью хода до десяти тысяч километров, развивающие под водой скорость свыше девяноста узлов и несущие ядерный заряд.

Но если большинство торпед проекта «Статус-6» снабжалось ядерными боезарядами в сто мегатонн, модуль у Гавайских островов имел меньшую мощность – в одну мегатонну, хотя этого было вполне достаточно, чтобы гарантированно уничтожить не только базу американцев, но и весь архипелаг.

И вот «Утёс» перестал автоматически посылать сигналы о работе комплекса в спящем режиме. Два месяца он молчал, после чего командование Дальневосточного флота и приняло решение послать к модулю подводную лодку с секретным заданием проверить установку «Утёса» и выяснить, что произошло.

Два беспилотника, напоминающие формой дельфинов, кругами пошли в глубину океана, передавая на борт лодки изображения с четырёх видеокамер.

«Утёс» был установлен, если верить документам, между двумя складками океанского дна и сам напоминал базальтовую шишку овальной формы. Даже если бы его увидели чужие подлодки, чего в принципе не должно было случиться, узнать в этой «природной» выпуклости техническое сооружение было невозможно.

Однако на месте, где должен был стоять «Утёс», ровным счётом ничего не было. Слева и справа высились базальтовые рёбра высотой до полусотни метров, а между ними в свете прожекторов беспилотников виднелась гладкая полоса со следами иловых потоков и всё. «Утёс» исчез, словно никогда не занимал середину расщелины.

– Проверить координаты! – приказал Ашмарин.

Засуетились операторы вспомогательных систем.

Беспилотники пошли по второму кругу.

– Координаты определены верно, – доложил старпом. – Мы вышли точно над «изделием 101».

– Тогда где оно?

Старпом замялся.

– Украли! – пошутил оператор связи.

– Кто? – не поддержал шутливого тона Ашмарин.

– Ну-у... америкосы...

– Американцы не могли, – уверенно возразил старпом.

– Почему? У них тоже есть лодки...

– Американские АПЛ не опускаются ниже шестисот метров.

– Лодки не опускаются, батискапы и дроны могут работать на больших глубинах, – возразил оператор.

Магарамов посмотрел на него с угрозой.

Молодой лейтенант смутился, склонился над приборной панелью.

– «Секрет» на спираль, – скомандовал капитан.

Беспилотники начали кружить над местом установки модуля по разворачивающейся спирали.

– Погружение на две сотни!

Лодка начала опускаться в толщу воды, пока не зависла на глубине шестисот метров. Чёрно-зелёная тьма вокруг неё сгустилась почти до космической. Лишь изредка в толще воды просверкивали неяркие огоньки – это проплывали мимо редкие обитатели глубин, рачки, офиуры и морские перья, имевшие светящиеся органы.

Но экраны поста управления по-прежнему показывали только холмы ила, донные возвышенности и провалы. «Утёс» пропал бесследно, и понять, что произошло, было невозможно.

– Этого не может быть! – вдруг заволновался старпом. – Дмитрий Андреевич, «Утёс» – не кусок пемзы и даже не затонувший баркас, он весит вместе с торпедами больше сорока тонн!

– Ищем, – сдержанно ответил Ашмарин.

С час в посту царила напряжённая тишина.

Беспилотники удалились от места расположения «Утёса» на километр, обнаружив нечто вроде железнодорожной колеи, «рельсы» которой представляли собой базальтовые бруски метровой ширины, тянувшиеся параллельно друг другу и кое-где засыпанные полосами донных отложений.

– Это ещё что такое? – осведомился Магарамов.

– Шутка природы, – предположил начальник связи.

– Слишком ровные рёбра и тянутся в параллели не меньше чем на милю.

– Странно, что их не заметили при установке «Утёса».

– Товарищ капитан? Может быть, пошлём «Приз»?

Он имел в виду автономный подводный модуль, способный передвигаться в воде на глубинах до трёх километров и исследовать дно морей и озёр.

– Сориентируйте «Секрет», пусть проследит эти «рельсы».

Один из роботов снизился, направляясь в глубины вод. Отражённое от бугров ила на дне пятно света от прожекторов стало чуть поярче. Дно пошло под уклон, покрытое холмами ила.

«Рельсы» то исчезали под ними совсем, то появлялись вновь, ровные и прямые, будто и в самом деле проложенные неизвестным «путеукладчиком».

Какой-то неясный отблеск родился в таинственном мраке перед первым роботом.

– Погасите прожектор, – сказал Ашмарин.

Светлые столбы осветителей беспилотника погасли.

Свечение перед роботом стало видно отчётливей.

– Малый вперёд! – скомандовал капитан.

«Камчатка» двинулась вслед за глубоководными аппаратами, напрягая своё собственное «зрение» – сонары, тепловизоры и системы датчиков, принимающих электромагнитное излучение разных частот.

Каменные «рельсы» внезапно нырнули в развернувшееся ущелье.

Беспилотники опустили ниже.

В сером туманном сиянии показались зубцы стен, сдавливающих ущелье, которое через сотню метров скачком расширилось вправо и влево. Беспилотники выплыли на край котловины, в центре которой дрожало облако призрачного света.

– Кратер! – прошептал кто-то в тишине центрального поста.

– Смотрите, там купол...

Действительно, облако свечения стояло над неким возвышением зеленоватого цвета, испещрённым ромбами и кольцами геометрически правильных форм. До возвышения было далеко, не меньше километра, и детали купола были видны плохо, но всё же не оставалось сомнений, что роботы наткнулись на искусственное сооружение, а не на естественную гору.

– Американская база? – с недоверием проговорил старпом и сам же ответил на вопрос: – Не может быть!

Ашмарин молчал.

Глубина океана в этом месте достигала километра с небольшим, но лодка на такую глубину рассчитана не была.

– Максимум по вертикали!

«Камчатка» снова начала опускаться, пока не достигла предельной для неё глубины в семьсот метров. У лодки не было лёгкого корпуса, охватывающего основной – прочный корпус, лишь носовая часть, где был расположен гидролокатор, прикрывалась защитным кожухом, поэтому давление воды не могло повредить лёгкие «доспехи» атомохода, а прочный корпус при испытаниях выдерживал и километровые глубины. Однако тихие потрескивания корпуса действовали офицерам и матросам на нервы, и операторы в посту невольно поглядывали на капитана, застывшего в ложементе гранитной глыбой.

Между тем оба посыльных «Секрета» продолжали двигаться вперёд, и экран связи с ними стал испускать зеленовато-фиолетовое свечение.

Сооружение в глубине обнаруженного кратера выступило из тьмы отчётливей. Больше всего оно напоминало сверху один из новых стадионов России, в котором несколько лет назад шли матчи чемпионата мира по футболу. Только оно было в два-три раза крупнее.

– Мать честная! – поскрёб в затылке старпом.

Беспилотники один за другим заняли позицию над «крышей стадиона», опустили ещё на двести метров, пошли по кругу, осматривая дно кратера и гигантское сооружение, почему-то свободное от иловых отложений.

Облако свечения выдувалось своеобразным пузырьком над выпуклым горбом в центре щита, который при внимательном рассмотрении оказался полупрозрачным куполом диаметром около десяти метров и высотой в три.

– Смотровое окно, – хмыкнул старпом. – Ей-богу!

Оператор, управляющий маневрами «Секрета», задал новый курс, и один из дронов свернул к куполу. Однако до него не добрался.

Под стеной «стадиона» сгустилась тень, к беспилотнику метнулась какая-то тёмная масса стреловидно-крыльчатых очертаний, и передача с него оборвалась.

– Поднять второй! – отреагировал Ашмарин.

Второй робот начал было удаляться от купола, но через несколько мгновений тень настигла и его, и робот перестал передавать изображения кратера.

– М-мать моя женщина! – выдохнул Магарамов.

– Резерв! – бросил капитан.

Операторы ответили серией переключений на своих панелях.

Лодка выпустила вторую пару дронов.

Экран прорезали лучи света, и Ашмарин приказал выключить прожектора аппаратов.

Экран целеуказаний превратился в пещеру, заполненную крошечным мраком.

Через две минуты беспилотники были над кратером, и «пещеру» оживило тусклое облачко свечения, увеличивающее яркость по мере спуска аппаратов. Вскоре стал виден и «стадион», металлической коростой накрывший центр подводной воронки.

Но выяснить причину внезапного отключения телекамер первых беспилотников вторая пара дронов не успела. С ними произошло то же самое, что и с теми. «Крылатая» тень выметнулась из толщи вод, и светлое пятно в глубине экрана погасло. Дроны перестали отвечать на команды и вызовы с борта лодки.

– Нас атаковали?! – изумлённо повернулся к капитану старпом. – Дмитрий Андреевич!

– Были бы слышны взрывы, – возразил начальник БЧ-3.

– Товарищ капитан?!

Ашмарин принял решение.

– Боевая тревога! Вниз на готовности до визуального контакта с объектом!

Пост управления накрыла волна шелеста, тумблерных щелчков, скрипов и коротких жаргонных словечек операторов.

«Камчатка» приготовилась к атаке неведомых «скатов».

– Полная тишина! Все системы на уши! Докладывать о малейших писках!

Лодку заполнила тишина. Слышались лишь усиливающиеся потрескивания корпуса, дыхание людей да электронные шумы аппаратуры.

Экраны озарило едва пробившееся сквозь двухсотметровую толщу воды слабое свечение. Постепенно стал вырисовываться призрачный фиолетовый пузырь в кратере, позволивший разглядеть смутные очертания «крыши стадиона».

– Стоп погружение! – скомандовал Ашмарин.

– Ух, если это пиндосы! – мрачно процедил сквозь зубы старпом.

– Ещё дрон!

Лодка бесшумно выплюнула беспилотник. Её торпедные аппараты были заполнены водой, а не воздухом, как на субмаринах прежних лет, и торпеду или другую подводную технику ударно выдавливала струя воды под большим давлением, что и позволяло стрелять практически без шума.

– Пальцы на курках!

Офицеры, отвечающие за боеготовность своих систем, дружно отозвались короткими «есть на курках!». Команда означала, что стрелять надо было при произнесении капитаном первой буквы слова «пли».

Выпущенный беспилотник завис над кратером, наострив свои «глаза»-видеокамеры и «уши»-сонары. Однако никакого свечения, отмечавшего местоположение «крыши стадиона», не увидел.

– Что за чёрт?! – вырвалось у старпома.

– Ниже!

Дрон начал опускаться, однако и глубже не обнаружил «пузыря» света, испускаемого куполом на «крыше стадиона». Впечатление было такое, будто его выключили.

– Товарищ капитан... – раздался голос начальника системы аудиоконтроля. – Звук...

Ашмарин не ответил. Он тоже слышал тихие щелчки, доносившиеся из глубин океана, похожие на звуки, которые издаёт открывающаяся автоматически дверь гаража. Только вот никаких гаражей на дне Тихого океана не было и быть не могло. Никакими ультразвуковыми свистами переговаривающихся дельфинов или китов, а также треском корпуса лодки эти щелчки объяснить было нельзя. К тому же к ним изредка примешивался басовитый рокот, будто на дне кратера ворочался экскаватор.

Экран связи с беспилотником потемнел.

– Связь с аппаратом потеряна! – доложил техник-оператор, управляющий вспомогательными системами.

Головы офицеров повернулись к Ашмарину.

– Остался один дрон, – доложил командир БЧ-5.

– Всплываем! – объявил капитан.

Операторы засуетились.

Но всплыть «Камчатка» не успела.

Внезапно из кратера ударил вверх столб ослепительного голубого света, так что все экраны поста управления засияли, как прожектора, заставив подводников отшатнуться и прикрыть ладонями глаза. Толщу вод пронизал вибрирующий рык, будто недалеко произошёл мощный взрыв. По нервам членов экипажа подлодки стегнул нестерпимо холодный кнут. Раздались крики операторов. Многие из них отключились.

Ашмарин хотел дать команду «пли» и потерял сознание. Он уже не увидел, как снизу лодку подхватила невесть откуда взявшаяся сеть, сплетённая из щупальцев, и потащила её в кратер...

Глава 2

База Тоф

Ранним утром двадцать девятого апреля Авачинскую бухту на Камчатке накрыли тучи, и пошёл мелкий холодный дождь.

Однако ни для горожан Вилучинска, ни для служащих базы подводных лодок Тихоокеанского военно-морского флота России погода сюрпризом не стала. Камчатка всегда славилась резкими сменами погоды, а весна на восточном краю России редко бывала тёплой и солнечной.

Командующий ТОФ вице-адмирал Верёвко прибыл в Вилучинск из Владивостока на вертолёте, сопровождаемый командующим силами морской обороны Дальнего Востока контр-адмиралом Витковым и заместителем министра обороны генералом Плешаковым. С аэродрома группу высокопоставленных военных сразу отвезли в штаб базы на берегу бухты. В кабинете командира базы капитана первого ранга Вилькицкого гостей ждали главный секретчик базы, отвечающий за информационную безопасность подразделений, полковник Сонин и начальник военной контрразведки округа генерал Малахов.

Поздоровались, расселись вокруг стола в комнате заседаний, отделённой от кабинета полупрозрачной стеклянной стеной.

– Ждём Кондратюка, – сказал хозяин кабинета, лысоватый, полный, с лицом, изборождённым морщинами.

– Кто это? – спросил Плешаков, почти полная копия вице-адмирала, только глаза у него были не серые, а карие.

– Командир шестнадцатой эскадры ПЛ. «Камчатка» – его корабль. Чай, кофе?

Попросили кофе.

Через две минуты адъютант вице-адмирала принёс всем чашки свежесваренного русского чая.

В настоящий момент у пирсов базы были пришвартованы всего пять атомных подводных лодок разных классов: «Борей», «Акула» и «Ясень-М». Остальные шесть находились в дальних походах в Тихом и Северном Ледовитом океанах.

Командующий до приезда во Владивосток, где его и застало известие о пропаже атомной субмарины «Камчатка», принимал участие во введении в эксплуатацию новой военно-морской базы, построенной на одном из островов Курильской гряды – Шумшу. Строили её три года, и по нынешним временам база являлась самой современной из всех военно-морских сооружений России. Если базу подводных лодок в Вилучинске натовцы обозначали на своих картах как «Осиное гнездо», то новую на Шумшу называли «Костью в горле», под «горлом» имея в виду Тихоокеанский флот американцев, вынужденный теперь держаться подальше от российских восточных морей и границ.

Пили кофе, переговариваясь на темы, не связанные со службой, до тех пор пока не явился потный от движения Кондратюк.

– К делу, товарищи, – сказал начальник базы, давая команду адъютанту унести кофейные приборы. Посмотрел на Плешакова. – Специально для вас, Иван Петрович, остальные в курсе. Месяц назад перестала посылать сигналы в режиме автоморгания АГС с «изделием 101» в Тихом океане, работающая по вектору Гавайских островов. Мы послали лодку в этот район, она барражировала океан в районе Алеутских островов, где была замечена активность американского флота, и находилась ближе всех наших судов. Два дня назад лодка перестала поддерживать связь с базой и молчит до сих пор.

– «Изделие 101»... – начал Плешаков.

– АГС «Периметра» с двумя «Статусами».

Генерал, одетый в штатский костюм, нахмурился.

– Мы ведь недавно её установили.

– Два месяца назад.

– И она замолчала?

– Так точно.

– Почему мы этого не знаем?

Вилькицкий мотнул гривой полуседых волос, развёл руками.

– Мы надеялись, что всё обойдётся...

– И ждали целый месяц?

– Это моё распоряжение, – буркнул главком ВМФ. – АПЛ была послана в тот район только после исследования океана другими средствами. Были задействованы лётчики и спутниковая система.

Плешаков пожевал губами, глядя в стол, с явным трудом скрыл раздражение.

– Причина молчания установлена?

– Если бы была установлена, мы не посылали бы туда лодку.

– «Камчатка» добралась до места установки АГС, Ашмарин сообщил об этом, но после этого замолчал и он.

– Американцы?

Присутствующие обменялись взглядами.

– По данным разведки, американцы не активны в этом районе океана, – сказал плечистый, с круглым лицом Малахов. – Никаких подводных шумов, которые можно было бы идентифицировать как взрывы, спутники не зафиксировали. АГС до сих пор молчит... и «Камчатка» тоже.

Плешаков посмотрел на Кондратюка.

– Ашмарин – опытный командир?

– Один из лучших, – кивнул Кондратюк. – Пятнадцать лет на флоте, опыт службы в Сирии, умён, решителен.

– Есть какие-нибудь предположения?

Присутствующие снова переглянулись.

– Есть один вариант, – осторожно сказал Вилькицкий, – хотя и дохлый: НПО.

– Что?

– В этом районе не раз замечали неопознанные подводные объекты.

– А-а... – скептически поджал губы Плешаков. – Только пришельцев нам не хватало.

– Речь идёт не о пришельцах, – сказал Малахов. – НПО – не фейк и не придумка досужих журналюг, это явление реально существует и требует тщательного изучения. ФСБ занимается этим давно и серьёзно. В распоряжение федералов в прошлом году передана вторая исследовательская субмарина.

– «Десна», – кивнул Сонин. – По-моему, она как раз сейчас в походе.

– Где? – спросил Вилькицкий.

Полковник собрал складки на лбу.

– Если мне не изменяет память, «Десна» занимается поисками НПО и находится где-то в районе Каролинских островов.

– Зачем она вам? – осведомился Плешаков.

Вилькицкий сделал глоток воды из отдельно стоящей чашки, промокнул губы салфеткой, потом вытер вспотевший лоб.

– Ситуация чрезвычайная, Иван Петрович. Никогда такого не случалось, чтобы у нас бесследно пропадали секретные аппараты и АПЛ. Причём в одном и том же месте. Надо немедленно посылать в Тихий инспекцию. Причём не просто специалистов по выяснению причин молчания аппаратов, но спецгруппу, способную реагировать на опасность.

– Причём тут лодка федералов?

– Она ближе всех наших судов в этом районе. АГС со «Статусами» спущена под воду в точке с координатами примерно двадцать градусов северной широты и 175 градусов западной долготы. От островов Микронезии расстояние до этого квадрата меньше пяти тысяч километров, а от базы – почти шесть тысяч, то есть на тысячу километров меньше, а это выигрыш во времени почти сутки. Если «Десну» направить туда...

Малахов поёрзал.

Все посмотрели на него.

– Интересно, кто нам разрешит использовать лодку федералов? – сказал он.

Вилькицкий бросил взгляд на командующего флотом.

– Ваше мнение, Константин Фёдорович?

– Договориться с федералами не проблема, – сказал Верёвко. – Но возникает проблема со спецгруппой.

– Наш морской спецназ вполне может справиться... – начал Сонин.

– Нужен опыт работы глубоко под водой.

– Специалисты такого уровня есть в ГРУ. Если вы помните, одна их группа недавно вернулась с Северного полюса, точнее, из-под Северного полюса. Там было найдено одно из сохранившихся сооружений утонувшей Гипербореи.

– Кто был командиром группы?

– Полковник Вербов.

– Откуда вы знаете?

Сонин улыбнулся, отчего его обманчиво простое лицо стало лукавым.

– Вербов – друг Макса Лобанова, а Макс – мой приятель, мы вместе заканчивали мореходку. Кстати, Лобанов сейчас служит на «Десне», если кому-то интересно. И они вместе ходили в Северный Ледовитый.

– Не слишком много совпадений? – прищурился Верёвко.

– Что есть, то есть, – пожал плечами секретчик базы.

– Где сейчас Вербов?

– Вот это мне неизвестно. Он ведь грушник, причём действующий, парню всего двадцать семь лет. Вполне может быть на задании, в том числе и за рубежом.

– Допустим, мы его привлечём к решению нашей проблемы, – сказал Плешаков, – как вы собираетесь доставить группу в район установки АГС? Отправите эсминец, фрегат? Подводную лодку?

– Это всё медленные варианты, – проворчал Верёвко.

– Лодку всё равно придётся использовать, – сказал Вилькицкий. – Самый быстрый вариант доставки группы – самолёт.

– Прямо к месту установки АГС? – поднял брови Плешаков.

– Нет, организуем цепочку. Сбор группы – во Владивостоке, в район Каролинских островов её доставит самолёт, попросим летунов во Владивостоке, они имеют новые «двести семьдесят шестые»². Вместе с группой один из них сбросит и необходимое оборудование, да и оружие не помешает. После десантирования на воду группу подберёт «Десна», если, конечно, федералы согласятся её подключить, и отправится к месту расположения АГС.

– Но поход тоже займёт немало времени.

– Иных вариантов нет, Иван Петрович, этот самый быстрый. Если мы поторопимся с комплектацией группы, через четверо суток лодка будет у цели.

– Может, отзовётся «Камчатка»? – робко проговорил Кондратюк.

– В любом случае «Десна» ей не помешает.

² Имеется в виду транспортник Ил-276.

– Хорошо, я доложу министру, – сказал Плешаков, глянув на часы. – Моя помощь нужна?

– Возьмите на себя переговоры с Калининцевым, – сказал командующий ТОФ, имея в виду директора ФСБ, – а я свяжусь с ГРУ и попробую найти Вербова.

– Я бы всё-таки послал в тот район самолёт с аппаратурой для поиска подлодок.

– Мы не ждали у моря погоды и посылали дрон, пошлём ещё один. Самолёт ДРЛО – слишком заметный объект, да и американцы на Гавайях всполошатся, заметив нашего разведчика, а нам шум ни к чему.

– Дай бог, чтобы наши тревоги оказались напрасными! – сказал Плешаков угрюмо.

– Дай бог! – согласился Верёвко. – Работаем, товарищи. Надежды надеждами, а служба службой.

Присутствующие дружно встали.

Глава 3

«Десна» впадает в океан

Вторая российская атомная исследовательская подводная лодка «Десна» всплыла утром тридцатого апреля, в канун Первомая, в акватории Тихого океана, принадлежащей Каролинским островам Микронезии, в двадцати километрах от архипелага Нан-Мадол.

Архипелаг включал в себя девяносто два небольших островка и представлял собой одно из самых загадочных мест планеты, потому что островки эти были искусственного происхождения, то есть созданы не природой, а человеком более четырёх тысяч лет назад.

Фундаментом для них стал коралловый риф, а строительным материалом – огромные камни, вырезанные из базальта, размеры которых достигали тридцати метров в длину, а вес – до пятидесяти тонн.

Каждый островок был застроен комплексами зданий площадью не более ста квадратных метров, а для создания всего архипелага понадобилось более четырёхсот тысяч каменных глыб. Блоки же для самих островов и зданий высотой до восемнадцати метров строителями доставлялись по морю с острова Понапе, располагавшегося в двенадцати километрах от архипелага. Причём это были сооружения не простой округлой формы, а геометрически правильные шести- и восьмигранные колонны, обрабатывать которые даже в наши дни сложно, так как базальт – материал не только твёрдый и прочный, но и хрупкий. Вырубить из него плиты ударной и режущей техникой практически невозможно. Однако Нан-Мадол был сооружён и своей загадочностью манил не только туристов со всего света, но и исследователей.

Не пропустили его и спецслужбы многих стран, в том числе России. А поскольку на самом острове уже всё было осмотрено, исследовано и измерено, российские специалисты по изучению аномальных явлений в конце двадцатых годов отправили к нему исследовательскую подлодку.

«Десна» представляла собой вторую сугубо «гражданскую» субмарину, официально предназначенную для геологических и гидрометеорологических исследований морей и океанов, и принадлежала она, опять же по официальным данным, Русскому географическому обществу. На самом деле её в своих целях использовал научно-технический центр ФСБ, и главной её задачей был поиск НПО – неопознанных подводных объектов, случаи встреч с которыми были описаны десятки раз.

Параметры «Десны» впечатляли.

Если первая исследовательская АПЛ «Рубин» длиной в сто тридцать пять метров, спущенная на воду ещё в две тысячи девятнадцатом году, могла опускаться на глубину до четырёхсот метров и двигаться под водой со скоростью в двенадцать узлов, то длина «Десны» достигала ста сорока двух метров, ширина – пятнадцати, питал её могучий атомный реактор, позволявший субмарине находиться под водой неограниченное время. Глубина погружения «Десны» тоже впечатляла – до одного километра двухсот метров, а подводная скорость была в пять раз выше – шестьдесят узлов, то есть почти восемьдесят километров в час.

Кроме того, вместо ракет она несла в специальных шахтах две дюжины подводных роботов-беспилотников класса «секрет», «дельфин» и «марлин», а также батиплав – мини-подлодку «Краб-3», способную опускаться на глубину до пяти километров, управляемую экипажем из трёх человек.

Командовал «Десной» капитан первого ранга Брайдер, до этого служивший на ракетномосце «Грозный».

Сам архипелаг Нан-Мадол не входил в план исследований экипажа и научной группы, руководимой доктором физико-математических наук Герасимовым. А вот глубины океана

вокруг архипелага таили множество секретов. И в задачу исследователей входило изучение найденных на дне сооружений, напоминавших комплекс столбчатых храмов, поиск квакеров – источников таинственных звуков, вызывающих у людей панику и страх, и причин глубинного свечения толщи воды, напоминающего передвижение под водой невидимых подлодок, имеющих прожектора.

«Десна» находилась в акватории Микронезии больше месяца и за это время успела осмотреть дно на площади в десять тысяч квадратных километров. Найдено было и поднято на борт множество артефактов, которые позволили учёным сделать определённые выводы о причинах возникающих в глубине вод феноменов.

Так, штатный океанолог группы Шпачков предположил, что квакеры представляют собой технически организованные защитные пространства, предназначенные не подпускать людей, интересующихся всяческой таинственной чертовщиной, к сооружениям разумных обитателей океанов, которых он почему-то называл старогейми, избегая терминов «резиденты НЛО» и «пришельцы». По его мнению, на Земле находилось более двухсот старогейских баз, сто из которых располагалось под водой. Причём одна из них скрывалась именно в районе Нан-Мадола. Но добраться до них человек пока не мог. Лишь «Десна» позволяла надеяться на раскрытие тайн подводной цивилизации старогеев и найти их базу в районе Микронезии.

Поначалу идеи Шпачкова казались экипажу субмарины экстравагантными. Но по мере изучения обнаруженных находок матросы и офицеры «Десны» всё больше убеждались в истинности предположений океанолога, и шутки по поводу терминологии учёного прекратились. Словечко «старогей», объединившее возраст объекта и второе название Земли – Гейя, постепенно прижилось, заменив ходовой термин «подводный разум».

Командир «Десны» Алексей Аполлинариевич Брайдер относился ко всему философски, в том числе и к гипотезам учёных. Он побывал и в морях Антарктиды, и подо льдами Северного Ледовитого океана, видел реально существующие хорошо сохранившиеся постройки атлантов-антарктов и гипербореев и давно свыкся с мыслью, что человек на Земле – не единственное разумное существо.

Утром тридцатого апреля собрали на борт все беспилотники, рыскающие по дну на глубине восьмисот метров, всплыли, чтобы через спутник обменяться информацией с руководителем экспедиции в Москве. Предварительно послали к поверхности воды беспилотник «Секрет», чтобы убедиться в отсутствии свидетелей всплытия. Но горизонт был чист. Никто в этом районе моря не рыбачил, никто из военных не дежурил, никто не плыл к берегам Микронезии или от них.

– Товарищ капитан, – обратился к Брайдеру в центральном посту старпом Колодяжный. – Учёный народ просится на палубу, так сказать, вдохнуть свежего воздуха.

Брайдер слыл человеком твёрдых правил и нарушать инструкции никому не позволял. Но, во-первых, «Десна» не являлась стопроцентно военным кораблём, во-вторых, лодка находилась под водой долгое время, почти неделю, и пассажирам, да и матросам субмарины, требовалась разрядка.

– Десять минут, – разрешил он.

– Есть десять минут! – повеселел Колодяжный, включая интерком. – Пассажирам и свободным от вахт спуститься на палубу на десять минут. Командир, разрешите, я прослежу за порядком?

– Иди, повторяю, не больше десяти минут.

Старпом весело козырнул, натянул чёрную непродуваемую парку и выбрался из лодки через зализанную гладким волдырём надстройку с перископом и подъёмно-мачтовыми механизмами.

Его догнал пилот «Краба» Максим Лобанов, не раз спускавшийся на своём аппарате в океанские глубины, а также члены его экипажа: моторист Иван Комов и бортиженер Влади-

мир Пинчук, единственный из всех, кто носил чёрную бородку и усы. Они с удовольствием присоединились к толпе высыпавших на верхнюю палубу субмарины экспертов исследовательской группы и матросов.

Погода в этом квадрате микронезийской акватории стояла солнечная, но ветреная, температура воздуха держалась не выше плюс пятнадцати градусов, и гулять под пронизывающими порывами западного ветра было некомфортно, однако все соскучились по солнышку и морским просторам и не роптали, застегнув молнии на куртках, оживлённо обсуждая погоду и подшучивая друг над другом.

Колодяжный поднял воротник, принялся.

– А пахнет-то не комильфо...

– Посмотри левее, – сказал стоящий рядом Лобанов, плечистый, улыбчивый, с простодушным русским лицом и серо-голубыми глазами.

Старпом повертел головой, обнаружил в полукилометре от лодки ржаво-зелёную полосу, похожую на заросли мха. Длина полосы достигала нескольких сот метров, и было видно, что к горизонту она превращается в настоящее болото.

– Водоросли?

– Мусор, Михалыч, скопление мусора.

– Вот зараза! Уже и здесь всё загадили!

– Севернее, за Гавайями, ближе к Калифорнии, вообще вырос настоящий мусорный остров. Там скопились миллионы тонн пластиковых бутылок, коробок, бочек, упаковок и прочей грязи. Я читал, что площадь этой помойки чуть ли не больше площади всей Северной Америки.

– Да и я не раз встречал мусорные острова, но не предполагал, что они теперь везде.

– В год пластиковые отбросы по данным Гринпис убивают более миллиона птиц и морских млекопитающих.

– Проклятые пиндосы!

– Да не пиндосы – главные мусорщики планеты, хотя и они вносят свой вклад, а Индия, Индонезия, Таиланд и Китай.

– Ты случайно не агент Гринпис?

Лобанов засмеялся.

– Я агент самого себя. Батя в детстве называл меня любознательным несмыслённышем.

– А теперь?

– Теперь я вырос, хотя любознательности не потерял.

Колодяжный взглянул на морской хронометр, способный работать даже под водой.

– Пора возвращаться.

– Ещё пару минут, Михалыч.

– Ладно, пару потерплю.

К ним подошёл Шпачков, зябко накинувший на голову капюшон оранжевой парки.

– Я думал, тут жарко, экватор близко, а дует, как на Чукотке.

– Вы бывали на Чукотке?

– Где я только не бывал. Иван Михайлович, может, чайку соорудим горяченького?

– Чай будем пить в кают-компании. Пора забираться обратно.

Матросы повиновались приказу моментально.

Эксперты в количестве пяти человек ещё посопротивлялись, но в конце концов тоже покинули палубу.

Колодяжный с помощью старшины задрал люки и вернулся в пост управления.

Через пару минут «Десна» погрузилась в воду на глубину в четыреста метров, чтобы её не могли увидеть чужие спутники.

– Поступило распоряжение командующего, – обрадовал его Брайдер. – Следовать в район севернее Маршалловых островов.

- Зачем?! – изумился Колодяжный.
- Военный транспортник десантирует спецгруппу и какой-то груз, который мы обязаны взять на борт. После чего двинемся на север.
- Зачем?! – повторил вопрос ошеломлённый старпом.
- На юго-западе от Гавайев пропала подводная лодка. Приказано обследовать квадрат по десятому меридиану и найти лодку.
- Что за лодка?
- Новая АПЛ «Камчатка».
- Колодяжный вытянул губы трубочкой, но от присвиста удержался.
- Ничего себе сюрприз! А как же план? Мы ещё не обследовали и половину акватории вокруг Нан-Мадола, город нашли на дне...
- Городом займутся другие спец, наше дело – НПО, а тут их пока что кот наплакал.
- Может, в исчезновении лодки как раз виноваты НПО? Если верить Шпачкову, старогей следят за всеми морскими базами, а на Гавайях сидят американцы, в Пёрл-Харборе. Вот наши и натолкнулись на форпост старогеев. Вдруг это правда?
- Подойдём – проверим.
- У нас нет никакого оружия, даже торпедного аппарата.
- Обойдёмся без торпедных аппаратов.
- А что искала «Камчатка» возле Гавайев?
- АГС «Периметра». – Брайдер помолчал, бросая взгляд на панель управления. – Там на дне была установлена станция со «Статусами», она перестала выдавать сигнал «всё спокойно», послали «Камчатку»...
- И она тоже замолчала! – подхватил старпом. – Точно старогей вмешались! Там их база на дне! Мы искали не там! Герасимов знает?
- Ещё нет.
- Разрешите, я ему намекну?
- Только ему лично, не при свидетелях. Не надо устраивать научные дискуссии на эту тему. Будут вопросы – пусть свяжется со мной.
- Есть, командир!
- Лодка начала разгон.
- Колодяжный добрался до жилого сегмента, находившегося между третьим отсеком, со вспомогательным оборудованием, и пятым, где в «ракетных шахтах» располагались все подводные аппараты, кроме «Краба», занимавшего место на аппарели во втором отсеке. На военных атомоходах класса «Ясень» в этом отсеке устанавливались торпедные аппараты и прятался боезапас.
- В кают-компании было не очень шумно, но весело. Весь учёный народ в полном составе вместе с подводниками Лобанова и свободными от вахты офицерами пил чай. И разговор шёл именно о чае. Когда Колодяжный открыл дверь, Шпачков, получивший среди матросов экипажа «Десны» прозвище Профессор (хотя он и был им, за год до похода преподавая курс аномальной океанологии в Дальневосточном университете, а потом был переведен в Центр морских исследований МГУ в Москве), хорошо поставленным голосом вещал:
- Чай можно использовать не только в качестве напитка, но и как лечебное средство в форме сока свежих листьев или экстракта, а также в виде сухого порошка для лечения ожогов, наружных и внутренних язв. А из главного чайного витамина Р вообще создан препарат, применяемый в особо тяжёлых случаях кровоизлияний и при лучевой болезни.
- Слушатели зашумели.
- Значит, вы рекомендуете пить чай чаще? – поинтересовался механик-пилот «Краба».
- В меру, – усмехнулся Шпачков. – Не зря предки придумали поговорку: чай не пьёшь – откуда сила? Выпил чай – совсем ослаб. Всё надо делать в меру.

- Но ведь сортов чая много, какой из них самый полезный? Зелёный?
- Они все полезны, хотя и по-разному.
- Моя бабушка утверждала, что лучший чай вовсе не из чайного листа, а из полевых трав и крапивы.
- Ну это не совсем так, просто у разных трав разные свойства и разное воздействие на организм человека. Есть возбуждающие, есть успокаивающие и даже наркотические. Кстати, из чайных семян делают чайное масло, в Японии оно называется цзубаки.
- Его тоже употребляют?
- Если оно изготовлено холодной прессовкой, то масло используют и в пищевой промышленности, вместо оливкового, но чаще оно используется в фармацевтике и в приборостроении.
- Откуда вы всё знаете, Виктор Степанович? – спросил Лобанов. – Вы ведь океанолог, а не ботаник.
- Я ещё и на спицах вязать могу, – пожал плечами учёный, вызвав у слушателей смех. Колодяжный поискал глазами начальника группы, сделал ему знак, и они вышли.
- Меняем курс, Трофим Акимович.
- Не понял, – пробасил Герасимов, выбритый до зеркальной синевы. Он был плотен, кряжист, черноволос и выглядел молотобойцем, надень на него фартук кузнеца и дай в руки молот.
- Существенно изменились обстоятельства. – Колодяжный коротко ввёл начальника группы в курс дела. – Идём на север, к Гавайям.
- Значит, говорите, исчезла АГС? – задумчиво проговорил Герасимов. – Это плохо.
- Чего уж хорошего, хотя не исчезла, а перестала докладывать о себе. Исчезла «Камчатка». Точнее – замолчала.
- Это очень плохо!
- Вы абсолютно правы. Поэтому нас и отправляют разобраться в причинах молчания аппаратов. Мы ближе всех к этому району океана. Поговорите с коллегами, не особо объясняя детали.
- Постараюсь, Иван Петрович.
- Колодяжный пожал ему руку, тяжёлую, мясистую и сильную, и вернулся в пост управления.

* * *

Следующее всплытие лодка совершила спустя десять часов после получения приказа из Москвы следовать на север, пройдя почти девятьсот километров под водой, на глубине четырёхсот метров, с предельно возможной скоростью.

Всплыли ночью, в тридцати километрах от Уджеланга, крайнего западного острова Маршаллова архипелага. Брайдер разрешил команде побыть на палубе стандартные десять минут, после чего Колодяжный проводил всех в лодку и остался ждать появления обещанного десанта. Из Москвы пообещали, что самолёт с грузом и спецгруппой прибудет точно в указанный срок – к двенадцати часам ночи по местному времени.

Дул холодный ветер, хотя небо было пока безоблачным. Волнение на море усилилось, лодку слегка покачивало, и у Колодяжного, совершенно не суеверного человека, внезапно испортилось настроение. Показалось, что вокруг началось какое-то движение и вот-вот что-то произойдёт. Он даже поднял голову, словно надеялся найти, кто на него посмотрел. Однако ему нужно было смотреть не в небо, а вглубь водной толщи, потому что тот, кто смотрел, находился под водой на недоступной современным подлодкам глубине.

Глава 4

Сирийский дрифт

Из иорданского Ирбида до границы с Сирией добирались на двух машинах.

Вербов вместе с майором Богушанской (Розой) ехал на пикапе «Тойота Хайлюкс», в кузове которого трясся крупнокалиберный ДШК, уставившись дулом в небо. Остальные восемь бойцов: капитан Алексеев (Сосна), капитан Климчук (Дуб), капитан Тамоников (Камыш), капитан Старцев (Ветка), капитан Шкаликов (Клен), капитан Панин (Тополь) и лейтенант Костеридзе (Миндаль), расположились в джипе «Рэндж Ровер Дефендер».

Все члены группы были вооружены американскими карабинами М4, компактной версией винтовки М16А2, немецкими пистолетами «Глок», немецкими же ножами и гранатами канадского производства С13. Из российского оружия только двое бойцов группы имели автоматы Калашникова образца 1966 года, что не должно было вызвать подозрений ни у американцев, ни у боевиков ИГ, сплошь и рядом вооружённых «калашами».

Одеты бойцы Вербова были также по последнему слову конспиративной амуниции: в потёртые и вылинявшие комбезы бундсвера с эмблемами BW, такие же брюки, куртки Shark Skin Soft Shell, французский камуфляж Smock и F2, а также в невообразимого кроя хламиды исламистов, сочетавшие в себе шарфы и кепки с длинными козырьками, халаты, куртки, рубахи и мятые штаны неопределённого цвета. Правда, все эти одеяния неплохо уберегали тело от ветра и зноя и помогали прятать оружие.

Из девяти бойцов отряда только Вербов и Алексеев были тщательно побриты и выглядели белыми, остальные (кроме Богушанской, естественно) загорели и обросли бородами, превратившись в образцовых моджахедов.

Границу пересекли по грунтовой дороге, в объезд поста иорданской пограничной жандармерии. Граница в этих местах, да и вообще вдоль линии разделения Сирии с Иорданией и Ираком практически не охранялась, лишь на дорогах, соединяющих крупные города и провинции, располагались сторожевые посты, да в местах скопления боевиков ИГ и расположения американских баз несли службу «воины пустыни», нередко имеющие беспилотную авиатехнику.

Целью группы был захват одного из британских инструкторов, готовивших провокацию в захваченном американцами пограничном пункте Эт-Танф. После захвата Эт-Танфа в две тысячи семнадцатом году американцы устроили там базу, куда сотнями стекались боевики ИГ, образовав чуть ли не целую армию, которая так и называлась: Свободная сирийская армия – FSA. А так как её надо было содержать и кормить, а также постоянно науськивать на рейды в глубину Сирии, американцы вынуждены были тратить много сил и средств, что в конце концов им надоело, тем более что особых результатов деятельность FSA не принесла. Чтобы натравить весь мир на Россию, мешающую им чувствовать себя хозяевами чужих земель, как это было в две тысячи восемнадцатом году после провокации «Белых касок» в сирийской Думе, снявших фейковый фильм «о химическом нападении армии Асада на мирных жителей», и в две тысячи девятнадцатом, после «химической атаки на курдов», и в две тысячи двадцатом, когда сирийцы сбили два израильских штурмовика, выпустивших ракеты по Дамаску, агенты ЦРУ вместе с английскими инструкторами, прославившимися спектаклем с «нападением русского спецназа на Скрипалей», а также ликвидацией свидетелей и источников угрозы, таких как отравленные Литвиненко и Березовский, взорвавшийся в лондонской квартире предатель России Кобляр, утонувший в ванне ещё один перебежчик – Науменко, решили устроить очередную диверсию, соорудив в Эт-Танфе постановку «ракетно-химического удара» военных Асада, поддержанных русскими, по «мирным жителям» посёлка.

Для этого в Буль-Венде готовились боевики, которые должны были взорвать в центре Эт-Танфа «настоящую русскую ракету», начиненную нервно-паралитическим газом «Новичок».

Сотрудников и служащих базы при этом решено было не предупреждать, они тоже должны были для вящего эффекта оказаться пострадавшими.

Командир роты сил специального назначения полковник Черепанов заметил по этому поводу, выдавая задание Вербову:

– Эти подонки готовы на всё, действуя по схеме «бей своих, чтобы чужие боялись», поэтому наш ответ должен быть не только максимально жёстким, но и максимально эффективным. Один из инструкторов-бриттов этой операции должен быть доставлен спецам Асада живым.

– А остальные? – задал индифферентный вопрос Вербов.

– Остальные должны отправиться на встречу со своими богами, – мрачно сказал Черепанов.

Через день после получения задания группа Вербова была переброшена в Иорданию под видом туристов и медиков организации «Медицина без границ».

Ещё через неделю они получили транспорт, оружие, экипировку и направились к границе Сирии, имея вполне надёжные документы и «легенды». Если бы их остановила иорданская полиция, они бы представились как посланцы FSA к командующему американской базы. Если бы группу остановили американские патрули, Вербов предъявил бы им ксиву майора US Army Special Force, командира спецгруппы для засыла вглубь территории Сирии.

К счастью, разведка ГРУ сработала «на отлично», выбрав правильный маршрут для передвижения группы, и остановили их только по ту сторону иордано-сирийской границы, в сорока километрах от Эт-Танфа, где и готовилась совместная операция ЦРУ и МИ-6. Правда, это был патруль ИГ, который без каких-либо вопросов пропустил машины дальше, глянув на документы «майора Гордона».

Следующая остановка случилась уже перед Буль-Вендой.

День клонился к вечеру, красное солнце низко висело над пыльным горизонтом, дул холодный ветер, переносил через дорогу струи песка и пыли, и бойцы подустали, мечтая об отдыхе, о бане или хотя бы о чистом ручье, где можно было бы смыть с себя пот и грязь. Но оазисы в этой сирийской пустынной местности встречались редко, глаз везде наталкивался на глинистые бугры, дюны, группы скал, сухие русла ручьёв, поросшие куртинами верблюжьей колючки и саксаулом, и в душе невольно росла тоска по русским полям, лугам и лесам.

Буль-Венда показалась впереди серо-зеленоватым островком среди безграничной желтизны и красноты пустыни.

– Приготовились! – будничным тоном приказал Вербов в пуговку рации под нижней губой.

Дорога, по которой ездили бэтээры и танки, судя по оставленным следам гусениц, пересекла мост через почти засохшую речку и вывела машины к группе скал, возле которых лепились глинобитные строения блокпоста. Слева и справа она была сдавлена глыбами камней и бетонными блоками.

Танков у въезда в деревню видно не было. Стояли два военных «Хаммера», один такой же, как у Вербова, пикап с зенитной установкой в кузове и БМП «Брэдли». Шлагбаумы отсутствовали, но стоило машинам подъехать к блокпосту на сто метров, как на дорогу вышли три бородача в выгоревшем до серого цвета камуфляже. Двое держали в руках «калаши» (Вербов невольно усмехнулся), у одного – великана двухметрового роста – через плечо, как игрушка, висел гранатомёт В-300 «Шифон», судя по конфигурации.

– Шакалы! – процедила Богушанская сквозь зубы.

Вербов был с ней согласен, так как это были боевики ИГ, собравшиеся под крылышком американских военных установить на Земле «новый порядок» сродни фашистскому или укра-

инско-нацистскому, и они были очень опасны, опаснее тех же американских солдат, потому что их ничто не сдерживало, ни один закон, ни одна моральная заповедь.

У БМП появилось ещё несколько грязно-серо-коричневых фигур. Лениво потягиваясь, они тем не менее взялись за рукояти автоматов и винтовок.

– Дуб! – позвал Вербов.

– Вижу, – отозвался Климчук, прятаясь в кузове пикапа под специально оборудованным боевым гнездом.

Вербов снизил скорость, потом и вовсе остановился, не доехав до блокпоста два десятка метров.

Охранники поста переждали, пока осядут клубы пыли, подошли ближе.

Вербов опустил стекло дверцы.

Детина с гранатомётом, заросший курчавым чёрным волосом по брови, сдвинул военную бейсболку на затылок, обнажая коротко стриженную голову и белую полоску лба. Он был белым, хотя рожей походил на уроженца Ирака.

– Документы, – потребовал он на арабском языке.

– Я выйду, – сказала Богушанская, открывая дверцу кабины со стороны пассажира.

Троица уставилась на девушку как на ангела, спустившегося с небес, хотя одета она была примерно в такой же камуфляж. Сняла с головы зеленоватое кепи, провела ладонью по рассыпавшимся льняным волосам. Сняла с пояса флягу в матерчатом чехле, сделала глоток. С улыбкой сказала по-английски:

– Привет, мальчики. Кто из вас старший?

Охранники переглянулись.

– Документы, – тупо повторил юный детина, но уже на английском, хотя и с акцентом.

– Позови старшего, – потянулась Богушанская с кошачьей грацией. – Тебе мои документы ни к чему.

Детина потоптался на месте, сбитый с толку поведением белой красавицы, бросая взгляды то на Вербова, то на джип с бойцами отряда, потом достал рацию и нехотя бросил в микрофон несколько фраз на арабском.

Его спутники, также поглядывающие на машины, но больше на девушку, ведущую себя совершенно свободно, словно она была здесь хозяйкой, отошли в сторонку, переговариваясь, хотя оружие продолжали держать наготове, стволами к гостям.

Из крайнего домика поста выбрались двое: заросший волосом, на этот раз рыжим (ирландец или британец), мужчина средних лет, в камуфляже и кожаной безрукавке, протёртой почти до дыр, и высокий и худой как жердь молодой парень лет двадцати, в зеленоватой кепке с длинным козырьком и эмблемой: чёрный орёл в красном круге и скрещёнными винтовками под ним. Шея у него была замотана клетчатым шарфом. Через плечо висела дулом вниз винтовка M16.

– Кто такие? – хмуро задал он вопрос на хорошем английском языке, буквально ощущая Богушанскую прозрачно-жёлтыми глазами и бросив на неподвижного Вербова подозрительный взгляд.

– Представьтесь, – сказала девушка требовательно.

Брови молодого игольщика подпрыгнули, он озадаченно помял ладонью узкий подбородок. Потом сказал гордо:

– Бригадный полковник Махмуд Баббас, Армия освобождения Сирии.

– Первый майор ОУ СпН Мэри Годвин. – Богушанская вытащила из кармашка на груди коричневую книжечку, раскрыла, показала парню свою фотографию, сложила удостоверение, спрятала в кармашек. – Выполняю секретное задание. Где у вас можно остановиться?

Молодой человек покосился на спутников, помялся, раздумывая.

– Что за задание?

Богушанская усмехнулась.

– Как говорил герой одного нашего боевика: если я скажу своё имя, мне придётся убить вас, мистер Баббас. В этой деревушке есть приличный дом, где можно отдохнуть и умыться?

– К сожалению, мисс Годвин, вам придётся проследовать мимо. Буль-Венда занята.

– Кем? – удивилась «мисс Годвин».

Баббас замялся.

– Здесь остановились ваши... м-м, коллеги.

– Коллеги?

– «Эйрборн».

Богушанская вытащила из-под погончика выцветший берет, натянула на голову. Она знала, кто на самом деле скрывается в деревне, хотя словечко «Эйрборн» обозначало армейский спецназ США, которому здесь нечего было делать. На самом деле в Буль-Венде расположилось спецподразделение по организации провокаций, использующее как «белые каски», так и СМИ и боевиков ИГ.

– Мы с ними договоримся.

– Нам приказано никого в деревню не пропускать.

– Мы всего на одну ночь.

– Поезжайте в Эт-Танф, там вас примут лучше.

Тон Богушанской стал ледяным.

– Я знаю, куда мне следует ехать, полковник. До Эт-Танфа двадцать миль, больше часа езды по вашим дорогам, а мои люди устали. Позвони боссу, кто у них главный, объясни ситуацию. Нам всего-то требуется вода и помещение, где можно поспать. Завтра рано утром мы уедем. И побыстрее! Не хватало ещё, чтобы нас засекли русские беспилотники.

Последняя фраза подействовала. Командир охранения взялся за рацию, отвернулся. Доложил кому-то о прибытии спецгруппы, выслушал ответ.

– Мисс Годвин, ещё раз – кто вы...

– Спецназ первого оперативного управления.

Полковник (Вербов внутренне усмехнулся, зная, что американцы щедро награждали полевых командиров ИГ званиями, оружием и недорогими подачками) снова уткнул губы в микрофон рации.

Богушанская обошла пикап, заняла место рядом с Вербовым.

Баббас сказал:

– Хорошо, – повернулся к машине. – Проезжайте, третий дом слева, вас встретят.

Вербов завёл двигатель, врубил первую передачу, пикап медленно покатил мимо собравшихся охранников, проехал бетонные кубы и камни, углубился в деревню.

– На посту восемь, – доложил ехавший в джипе Тамоников, сосчитавший встречающих.

Вербов не ответил.

По сообщениям разведки, в деревне, давно покинутой жителями, находилось тридцать боевиков подразделения FAS, три эмиссара ЦРУ и МИ-6 и пять специально подобранных «специалистов по диверсиям», на которых и возлагалась обязанность постановки «авиаудара по Эт-Танфу». В принципе, всех их можно было легко уничтожить, сбросив с самолёта одну управляемую бомбу либо запустив ракету за триста километров отсюда. Однако важнее было взять в плен инструктора и заставить его рассказать всему миру правду о готовящемся преступлении.

Их встретили ещё до указанного строения: трое бородачей и один белый, хорошо выбритый, с обмотанным вокруг шеи шарфом, в обычном пустынном (то есть выгоревшем до белизны) камуфляже, вооружённые американскими винтовками. Один из бородачей, самый хилый, держал под локтем израильский «Узи».

Вербов остановил пикап.

Богушанская снова вылезла, упёрла руки в бока, разглядывая подходивших.

Белый, средних лет, с землистым лицом больного малярией и криво изогнутыми лягушачьими губами, не спеша подошёл к девушке.

– Майор Годвин?

– А вы кто? – вопросом на вопрос ответила Богушанская.

– Полковник Роджер, отряд ПП «Эйрборн», подразделение сил специального назначения. Какими судьбами, мисс? Нас никто не уведомил о вашем прибытии.

– Разумеется, – кивнула «Мэри Годвин». – Если бы кто-то проговорился о нашем появлении, его уже расстреляли бы. Я не знаю и не хочу знать, что здесь делает армейский спецназ, но прошу только дать возможность отряду отдохнуть. Мы третьи сутки в дороге, парни измотаны.

– Откуда?

Богушанская молча ткнула пальцем в сторону оставленного позади поста охранения.

– И куда?

Она снова молча указала вперёд, на уходящую на север, к горизонту, улицу деревни.

Представившийся полковником Роджером мужчина раздвинул в улыбке узкие губы.

– Понятно. Я вынужден доложить командованию...

– Докладывайте. Группа Си-Эйч на маршруте, и всё. Где мы можем остановиться? Нужен колодец с чистой водой или скважина.

– Пруд подойдёт? Пить воду из него нельзя, но обмыться можно. Скважин тут нет, а колодец нам самим нужен.

– Спасибо и на том. Придём к вам за водой для питья.

– Хорошо, – с видимой неохотой сказал Роджер. – Можете занять халупу на краю деревни, под жёлтой крышей. Только просьба не шуметь и не шататься по деревне.

– Нам не до шатания, сразу ляжем спать.

Мужчина с лягушачьими губами козырнул, отступил в сторону.

Богушанская уселась в пикап.

Вербов повёл машину дальше.

Деревня Буль-Венда состояла всего из двух десятков глинобитных и саманных лачуг, отгороженных невысокими заборами. Все они строились по единому принципу и отличались друг от друга только цветом крыш и размером занятых пристройками участков.

Возле встретившихся на пути целых с виду построек стояли по двое-трое бородачей в камуфляже или в арабских бурнуссах, молча смотрели на проезжавшие мимо машины.

Дом, занятый наёмниками и американо-британскими инструкторами, был выше других и приличней. Он, видимо, принадлежал когда-то местной «знати» или старосте деревни. Возле него стояли два «Хамви» в пятнистой окраске, серо-жёлтый минивэн «Долли» и турецкий БТР «Эрджеп». Два моджахеда из Свободной армии Сирии, провожавшие взглядами машины, демонстративно держали руки на прикладах винтовок.

Остановились у строения под жёлтой крышей, сооружённой из обмазанных глиной вязанок каких-то растений наподобие ковыля.

– Клен, Тополь, – вызвал Вербов бойцов.

Оба капитана вылезли из джипа, потягиваясь, направились к ветхой калитке, скрылись во дворе дома. Через минуту появился Панин, объявил во всеуслышание на английском языке:

– Нормально, майор, можно селиться.

– Загоняйте машины, – так же на английском скомандовала Богушанская, вылезая из пикапа, продолжая играть роль командира отряда. За ними явно наблюдали, и надо было вести себя так, как вели бы в этих условиях настоящие спецназовцы США.

* * *

Через час окончательно стемнело.

Освежившиеся и покормленные бойцы занялись разведкой местности, выполняя каждый свою задачу.

Вербов через спутник связался с Москвой, доложил Черепанову о выходе на цель.

– Пока всё тихо, нас приняли за своих.

– Вариант Б, – ответил командир подразделения и он же руководитель операции, находившийся в данный момент в штабе ГРУ на Карамышевской набережной. – «Вертушка» поднимется в воздух по вашему сигналу. Американский спутник будет над вами через сорок минут, после чего у вас будет всего полчаса на завершение спектакля.

– Мне нужно уточнить численность боевиков FSA. Сам я не могу открыто использовать своих парней.

– Разведка работает, спутник висит над вами и сканирует Буль-Венду и весь район. Непонятных передвижений не замечено. Связь на той же частоте.

– Понял. – Вербов, пересевший в джип, оборудованный компьютеризированным комплексом связи и навигации «Скайнет» американского производства, отстучал на клавиатуре свой пароль и несколько минут изучал переданные спутником изображения деревни.

Вариант А предполагал атаку провокаторов прямо в деревне с последующим отступлением в Иорданию или в Ливан. Но в штабе, очевидно, посчитали количество присутствующих в деревне боевиков FSA чрезмерным и отдали предпочтение второму варианту, который предусматривал атаку Буль-Венды сирийской авиацией. Под шумок взять в плен инструктора операции, того же полковника Роджера, который на самом деле являлся спецагентом английской МИ-6, так сказать, одним из её джеймсов бондов, капитаном Эдвардом Блэкфордом.

По сведениям, полученным от разведки, в Буль-Венде расположилось самое радикальное крыло FSA в количестве тридцати трёх боевиков, и они действительно представляли собой реальную силу. Справиться с ними в коротком внезапном бою было трудно, требовался другой план, и штаб рекомендовал вариант Б.

К двенадцати часам ночи движение в деревне прекратилось, наступила тишина. Единственная улица не освещалась, но все бойцы отряда имели очки ночного видения и ориентировались в темноте прекрасно.

Небо затянуло тучами. Похолодало. Климат в южных районах Сирии на границе с Иорданией и Ливаном был резко континентальным, и в конце апреля температура воздуха ночью нередко опускалась до минусовых значений.

Где-то раздался стук дизель-генератора: обитатели деревни мёрзли и включали в домах тепловые пушки.

Вербов пожалел, что у них такой пушки не было.

– Алярм! – выдал он в эфир сигнал внимания. – Через сорок минут начинаем!

Бойцы ответили короткими «ок».

Вербов не знал, где именно располагается сирийский военный аэродром, поэтому после проверки готовности бойцов к работе связался с лётчиками на известной только ему частоте.

– Гром в эфире! – добавил он по-арабски.

– Колибри слушает, – ответили ему.

– Колибри, время полёта к Буль-Венде?

– Двадцать пять минут.

– Подъём через четверть часа. Не ударьте по нам.

– Прицепите на крыши тачек светокодовые отражатели.

– Прицепили.

– Тогда ждите «птичку».

Связь прервалась.

Вербов вылез из джипа, глянув на беззвёздное небо, сказал подошедшей Богушанской:

– Инга, будешь прикрывать спину.

Девушка улыбнулась, судя по ответу:

– Я думала, ты скажешь «задницу». Американцы любят повторять это слово.

– Ну я всё-таки считаю себя джентльменом, – ответно улыбнулся Вербов. – Нервничаешь?

– Есть немного, – призналась Богушанская. – Была бы моя воля, я бы перебила всю эту чёрную шваль без исключения!

– Нужен язык.

– Лишь бы довести живым.

– Прорвёмся, майор, не впервой.

Послышался приближающийся рокот вертолётных винтов.

– По машинам! – скомандовал Вербов. – Маски!

Вертолётов была два, судя по дроблению звука. Проектора они не включали, ориентируясь по приборам, шли совсем низко над пустынной местностью и были не видны до тех пор, пока не выскочили над деревней.

Две огненные стрелы сорвались с неба, осветив консоли ракетных подвесок, вонзились в дом, где расположились боевики FSA, и в соседний с тем, где прятались американо-британские инструкторы.

Второй вертолёт ударил по двум блокпостам у деревни одновременно, перекрывавшим дорогу с севера и с юга.

Кусты пламени в раскатах грохота осветили деревню. Загорелись сразу три дома, заливая окрестности дёргающимся красно-оранжевым светом.

Уцелевшие боевики FAS выскочили на улицу, вертя головами, паля из автоматов во все стороны. Звуки их стрельбы перекрыли гулкие очереди вертолётных пулемётов. Вспыхнули ещё два куста пламени и дыма, с визгом пронёсся по улице вихрь смертельных осколков.

Стрельба из автоматов стихла.

Пикап и джип выскочили на улицу, за несколько секунд достигли дома, возле которого уже горели машины, принадлежащие группе «Роджера»-Блэкфорда.

Вербов, не оглядываясь, выскочил из пикапа, берясь за рукоять пистолета. Он был абсолютно уверен, что Богушанская не отстанет ни на шаг.

Климчук встал за пулемёт.

Бойцы группы в противогазах, надвинув приборы ночного видения, теньями перелетели метровой высоты глиняный забор, бросились к дому вслед за командиром, нейтрализуя выскакивающих оттуда бородачей точными выстрелами.

Алексеев дважды выстрелил в окна из «Барретта»³, посылая в дом усыпляющие гранаты.

Гранаты пробили стёкла окон, раздались два негромких хлопка, наружу выплеснулись лепестки белого дыма. Крики внутри дома стихли.

Переждав секунду, Вербов ворвался внутрь дома через распахнутую дверь, на пороге которой лежал убитый бородач.

Дом состоял из трёх комнат. В первой прятались наёмники, другая использовалась в качестве столовой, судя по горе грязной посуды на столах. В третьей обитали инструкторы. Их почему-то оказалось двое, лежащих на полу в клубах оседающего дыма.

На фоне чёрного провала на полу комнаты зашевелился мрак.

Раздалась очередь: стреляла Богушанская.

Глыба мрака с глухим криком исчезла в полу.

– Подвал! – констатировала Богушанская, бросая в дыру гранату.

Из-под пола раздался взрыв и ещё один крик.

³ Американский гранатомёт Barrett XM109.

– Проверить! – командовал Вербов, опуская пистолет и подскакивая к лежащим на полу телам.

Появившийся следом за девушкой капитан Старцев дал очередь из автомата в люк, сиганул вниз. За ним прыгнул Панин.

Вербов перевернул лежащего ничком мужчину в длинной белой рубашке и шортах. Это был знакомый «полковник Роджер», потерявший сознание. Очевидно, он спал во время атаки вертолётчиков и не успел переодеться.

Второй мужчина, молодой, бритоголовый, с квадратной челюстью, в не застёгнутой куртке на голое тело и джинсах, очевидно, был агентом МИ-6, хотя Вербов мог и ошибаться.

– Забираем первого!

Из подвала вылезли Старцев и Панин.

– Там было двое, один белый, другой чёрный. Там же лаборатория, химия, контейнеры и два жёлтых баллона, один с хлором.

– Снять всё на видео. Приведите в чувство Роджера.

В подвал спустились Панин и лейтенант Костеридзе, он же Миндаль, отвечающий за видеосъёмку операции. На нём были закреплены две мини-камеры, замаскированные под пуговицу на куртке и кокарду на кепке, постоянно работающие. Ещё одну – классный японский Ikegami в «шпионском» исполнении – он держал закреплённой на ладони.

– Тополь – доки!

– Есть!

– Внизу целый архив, – сказал Панин.

– Забирайте всё. Дуб, помоги ему.

– Есть.

– Роза!

Богушанская достала из своего нарукавного фармкармана шприц-модуль с психотропным препаратом, быстро приводящим человека в сознание, прижала шприц к щеке пленника. Пшикнуло.

«Полковник Роджер» вздрогнул, слабо шевельнулся, открыл мутные глаза.

– Наручники!

Климчук защёлкнул на руках Роджера наручники.

– К машине!

Инструктора подхватили под руки и потащили, подталкивая, наружу.

Взрывы и стрельба в деревне прекратились. Вертолёты сделали своё дело, превратив полдеревни и блокпосты в развалины. Один из них улетел. Второй снизился и сел в сотне метров от последнего дома, прямо на улице-дороге.

– Бум на ноль! Аллур три креста!

Бойцы группы дружно бросились выполнять приказ.

Первая команда означала установку взрывных устройств на всех стенах дома, вторая – отступление к машинам с максимально возможной скоростью.

Пленного, так и не успевшего понять, что произошло, усадили в джип. Туда же загрузили три коробки с какими-то папками и дисками, а также мешок с найденными у инструкторов и наёмников документами.

Внезапно из окон одного из уцелевших домов раздалась очередь.

Вскрикнул Тамоников.

Бойцы попадали на землю, вскидывая оружие.

Климчук прыгнул в кузов пикапа, не обращая внимания на ливень пуль, развернул пулемёт и дал длинную очередь, прошивая саманные стены строения крупнокалиберными пулями.

Автомат захлебнулся.

Алексеев на всякий случай выстрелил из гранатомёта обычной осколочной гранатой.

Взрыв буквально развалил дом на соломенно-глиняные блоки, из которых он был построен.

– Погнали!

Бойцы запрыгнули в джип, растопырившись стволами во все стороны, помогли раненому в плечо Тамоникову, и севший за руль капитан Шкаликов повёл машину вслед за сорвавшимся с места пикапом Вербова, за рулём которого сидела Богушанская. Через несколько секунд сзади раздался мощный взрыв: взлетело на воздух прибежище провокаторов, похоронив под обломками все следы присутствия отряда спецназа ГРУ.

Взорвались и баллоны с хлором и каким-то химреактивом, но машины были уже далеко, и волна отравляющих газов их не догнала.

Минута потребовалась на то, чтобы добраться до пятнисто-жёлтого Ми-8, не выключавшего двигатель, винты которого подняли настоящую пыльную бурю.

Забрали из джипа аппаратуру связи и навигации, вытащили Роджера, обалдевшего от навалившейся на него беды, впихнули в вертолёт, забрались сами.

Сработали оставленные в кабинах мины, разнося машины на части.

Вертолёт взлетел, оставив на земле два яростных костра и догорающую деревню Буль-Венда.

Вербов раскрыл планшет комплекса спутниковой связи.

Черепанов откликнулся сразу, как только заработал канал:

– Слушаю.

– Работа закончена, – доложил Вербов, напрягая связки: в кабине было шумно из-за лопотания винтов. – Везём посылку.

– Хорошо, дорога ровная, отход по стандарту, до встречи. Срочно возвращайтесь, вас ждут.

«Кто?!» – едва не ляпнул Вербов, но сдержался, прокричал:

– Понял, будем вовремя.

– Кто... вы?! – обрёл дар речи «полковник Роджер».

– Твой кошмар! – проворчал капитан Алексеев.

Вертолёт снизился до высоты в полсотни метров и понёсся на северо-запад, по направлению к Дамаску.

Глава 5

«Десна» в океане

В указанное время самолёт со спецгруппой над лодкой не появился.

Капитан Брайдер связался со штабом во Владивостоке, и ему передали приказ ждать ещё сутки, не обнаруживая себя. Что-то не сложилось на суше, либо в Москве, либо на Дальнем Востоке, и группа была не готова к вылету.

– Погружение! – скомандовал Брайдер офицерам поста. – На триста метров. Ждём.

Таким образом, у пассажиров «Десны» неожиданно образовалось свободное время, и они стали чаще появляться в кают-компании лодки, живо обсуждая последние события в мире и собственные проблемы.

Максим Лобанов с удовольствием присоединялся к компании, не забывая и о профилактических работах на глубоководном «Крабе» вместе со своим небольшим экипажем. Аппарат опускался на дно океана десятки раз и показал себя с самой лучшей стороны, превосходя по характеристикам своих предшественников. Он мог погружаться в толщу океанских вод до пятикилометровых глубин, двигаться под водой со скоростью в пятнадцать узлов и, управляемый достаточно мощным компьютером, собирать с помощью манипуляторов камни, кораллы и найденные артефакты почти так же ловко, как пловец-человек.

Лобанов испытывал в своё время многие прототипы мини-лодки, первый и второй «Крабы», а также глубоководный батиплав «Приз» проекта 1855, способный опускаться до глубин в один километр. Однако «Краб-3» превосходил их по всем параметрам, и Максим относился к нему с нежностью, как к живому существу.

Утром тридцатого апреля после работы в кормовом отсеке, где располагался готовый к работе аппарат, Лобанов оставил в батиплаве моториста Ваню Климова, нашедшего себе занятие по проверке электрической начинки аппарата, и вместе с бортинженером Володиёвым Пинчуком прошегствовавал в кают-компанию.

Ни одной женщины на борту «Десны» не было, о чём Максим подумал с сожалением, так как ему не хватало женского общества. В прошлых экспедициях на дно антарктических морей и Северного Ледовитого океана с ними была Инга Вершинина, майор ФСБ, что заставляло подводников держать себя в интеллектуальной и физической форме. Но она сделала ошибку, связавшись не с теми людьми, оказавшимися предателями Родины, и после возвращения в Мурманск была арестована и доставлена в Москву. О дальнейшей судьбе женщины, равно как и о судьбе друга детства Дениса Вербова, влюблённого в Вершинину, Максим ничего не знал. После похода подо льды Северного Ледовитого океана пути друзей снова разошлись.

В кают-компании царила тишина, несмотря на присутствие кучи народа. Собралось человек пятнадцать, в том числе офицеры и матросы подлодки, и все внимательно слушали океанолога экспедиции, специалиста по неопознанным подводным объектам Виктора Степановича Шпачкова.

Он в этот момент рассказывал о походе исследовательского корабля «Академик Келдыш» на Балтику и об исследовании на дне Балтийского моря необычного объекта, обнаруженного ещё в две тысячи одиннадцатом году шведскими учёными во главе с Питером Линдбергом. Максим знал этот случай, находка действительно существовала, хотя по сей день оставалась мало изученной.

Объект длиной около семидесяти метров был найден на глубине всего ста метров и напоминал очертаниями погребённый в иле космический корабль. Как удивлялся сам первооткрыватель, за восемнадцать лет профессиональной деятельности он не видел ничего подобного.

После нескольких лет изучения объекта подводные археологи пришли к выводу, что это никакой не корабль, а некое искусственное сооружение, принадлежащее какой-то древней цивилизации. Возраст его определили в четырнадцать тысяч лет. Возможно, оно и в самом деле было создано древними гиперборейцами либо атлантами-антарктами, соперничавшими друг с другом.

Споры вокруг него не утихали и по сей день, так как находились геологи и океанографы, утверждавшие природную естественность «монумента». Но Лобанов был убеждён, что скептики были наняты настоящими хранителями древностей, заинтересованными в их сохранности, чтобы те остудили воображение общественности.

– И что там нашли ещё, кроме крыши и стен? – поинтересовался кто-то из матросов, присутствующих в кают-компании.

– Ничего, – сокрушённо развёл руками Шпачков. – До него непросто добраться, несмотря на небольшую глубину расположения. В этом районе отказываются работать компасы и другое оборудование, приходится менять электронику и компьютеры.

– Вы в самом деле верите в пришельцев? – спросил член экипажа, молодой парень с погонами лейтенанта.

Шпачков улыбнулся.

– Я верю в то, что вижу своими глазами и могу пощупать своими руками. А видел я немало. Не уверен, что артефакты на суше и в глубинах морей оставили пришельцы, у меня другая точка зрения, вы знаете.

– Старогеи, – засмеялся старпом Колодяжный, присоединившийся к компании.

– Да, старогеи, самая, может быть, древняя цивилизация на Земле, укрывшаяся под водой. И могу с уверенностью заявить, что моря и океаны полны тайн, которые ещё долго будут будоражить человеческое воображение.

Докладчику захлопали.

Шпачков привстал, поклонился, сел.

Сидевший у стены Герасимов заметил вошедшего Лобанова, встал, подошёл к нему.

– Максим Ильич, вы в курсе, что на самом деле происходит? Почему мы не можем самостоятельно идти к Гавайям и поискать пропавшую лодку?

– Мы должны найти не какой-то артефакт, а военный корабль, пропавший без вести, новый «Ясень». Нужна специальная команда, нужна аппаратура и оборудование.

– Но до него пропала некая станция, – уточнил начальник научной группы. – Что это была за станция?

Лобанов смутился. Он не знал, допущен ли учёный к государственным тайнам, хотя тот и работал над секретными проектами ФСБ, изучая артефакты на дне океана.

– Контроль... за американцами...

– «Периметр», – усмехнулся Герасимов. – Что ж, приказ есть приказ, нет смысла его обсуждать. Виктор Степанович обрадуется, когда узнает, сразу подведёт базу под инцидент со своими старогеями.

Лобанов бросил взгляд на снова разговарившегося океанолога.

– Вы считаете, он заблуждается?

– Предпочитаю собирать факты, а не придумывать объяснения их происхождения.

– Неужели у вас нет личной теории? Не верю.

– Ну почему! Теории нет, гипотеза имеется. Достоверно установлено, что на Земле до человечества существовало несколько цивилизаций, в том числе гиперборейская и атлантическая.

– Антарктическая.

– Я помню, что вы были в Антарктиде.

– Не только был, но и видел остатки сооружений антарктов, одно из которых позволило нам выжить.

– В принципе, существование атлантов... э-э, антарктов можно считать доказанным почти стопроцентно. Но в океане полно других артефактов, пока недоступных людям, и необъяснимых явлений, так что гипотеза Виктора Степановича о старогоях имеет право на существование. Я вполне допускаю, что в глубинах морей и океанов прячется древнейшая земная цивилизация.

– Не пришельцы?

Герасимов почесал щеку.

– Это не такой простой вопрос, как вам кажется, Максим Ильич. Вероятность того, что на Земле орудуют разные банды пришельцев, невелика, но она есть.

– Банды? – усмехнулся Лобанов.

– Да, именно банды, судя по массе конфликтов между государствами, которые нынче происходят всё чаще. В середине прошлого века существовал один претендент на глобальное мировое господство – Германия. После окончания войны эстафету подхватили американцы. А сегодня на планете как минимум четыре центра силы: США, Россия, Китай и радикально-исламский мир. Стратегия у всех одна – абсолютная власть, тактика же разная. Вот я и думаю, что управляются эти центры разными инопланетными структурами. По сути – бандитскими.

– И Россия?

Герасимов внимательно посмотрел в глаза Лобанова.

– Я не сомневаюсь в величии и славе России. Но, к сожалению, управляют ею не великие творцы и созидатели, а торгаши, менеджеры и бизнесмены, опирающиеся на предателей пятой колонны. Либеральный курс развития, взятый ими на вооружение в девяностых годах прошлого столетия, является не просто препятствием, но колоссальной трагедией для народа! И если он не будет сменён... – Герасимов замолчал, погладил пальцами щеку, криво улыбнулся. – Извините старика, я всегда остро переживал несправедливость, которая нынче возведена в ранг внутренней политики. Но это тема отдельного разговора.

– Я вас понял, – кивнул Лобанов, скрывая улыбку. – Мои ощущения близки вашему миропониманию.

Герасимов кивнул, сжал плечо Максима и вышел.

Размышляя о реакции учёного на ситуацию в России, Лобанов присоединился к слушателям, увлечённым рассказом Шпачкова. Речь на этот раз зашла о так называемых квакерах – подводных звуках, издаваемых непонятными процессами в глубинах океана.

Природа этих звуковых колебаний до сих пор оставалась загадочной для учёных, но губительная сила квакеров была хорошо известна и не раз становилась причиной гибели подводных пловцов, катеров и даже подводных лодок. У человека они даже в ослабленном виде вызывали страх и панику, а то и провоцировали остановку сердца.

Лобанов не понаслышке знал этот океанский феномен, так как дважды становился свидетелем его воздействия на собственную психику. В первый раз это случилось три года назад, когда он испытывал глубоководный «Приз» в Средиземном море у берегов Египта, второй – когда Максим уже плыл на первом «Крабе» и погружался в одну из впадин Атлантического океана в Саргассовой котловине. Оба раза он оказывался на грани смерти – так подействовал на него и на экипаж «Краба» дьявольский гул глубин.

Шпачков рассказывал интересно, обладая даром оратора, и слушали его увлечённо. Забыл о своих проблемах и Лобанов, вспоминая по ходу рассказа о своих морских приключениях.

– Ну а как вы сами считаете, что такое квакеры? – спросили у океанолога, когда он закончил повествование.

– Во-первых, это определённо инфразвук, – сказал Виктор Степанович. – Именно он приводит к параличу сердца и нервной системы. Причём инфразвук, близкий по частоте к биоритмам человека. Что касается причин его возникновения, существуют разные гипотезы, единого мнения нет. Лично я считаю, и я уже говорил об этом, что квакеры создаются специально какими-то механизмами старогеев для отпугивания любопытных, приблизившихся к их сооружениям и базам.

– Почему же мы их ни разу не слышали? – задал вопрос старпом Колодяжный, могучей фигурой напоминающий старшину Скворешню из романа Адамова «Тайна двух океанов». – Мы же находили и подводные города, и пирамиды.

– Потому что в этих местах не было объектов, принадлежащих старогеем, – пожал плечами Шпачков.

Слушатели зашумели.

Старший лейтенант Филимонов, начальник бригады двигателистов, весело стукнул Колодяжного по крутому плечу.

– Не расстраивайся, Петрович, ещё услышим квакеры.

Если бы он только знал, насколько окажется прав.

* * *

Самолёт Ил-90 прибыл к месту стоянки «Десны» в начале первого ночи. Сделав круг над всплывшей подлодкой, он сбросил груз на спецпарашюте и десантгруппу в составе четырёх человек и тут же улетел, растворившись в низких облаках, которые для него не представляли помехи.

Подводники сноровисто подняли контейнеры с грузом на палубу, затем перенесли их содержимое в кормовые отсеки «Десны» и помогли подняться на палубу членам приводнившейся команды.

Каково же было удивление Лобанова, присутствующего при подъёме десантников, когда в одном из них он узнал Дениса Вербова, лицо которого на мгновение осветил отблеск фонаря.

– Денис? Ты?!

– Он, – ответил полковник ГРУ без особого удивления в голосе; позже выяснилось, что он знал о присутствии приятеля на борту подлодки. – Рад видеть!

Они обнялись.

– Похоже, нам судьбой начертано служить вместе, – сказал Лобанов.

– Надеюсь, ты не возражаешь?

– Ни в коем разе, полковник! Служить с тобой – честь для меня!

– Не ёрничай.

– Ей-богу!

– Знакомься. – Вербов отступил, взялся за рукав одного из своих десантников. – Майор Инга Богушанская.

Лобанов удивлённо всмотрелся в женщину.

– Вы... э-э...

– Макс Лобанов, – представил его Вербов. – Кэп второго ранга, командир глубоководного батиплава, профессиональный дайвер, мастер спорта и прочее.

– Очень приятно, – в один голос проговорили Лобанов и Богушанская. Только Максим произнёс это слово радостно, а майорша – равнодушно.

– Быстро в лодку, дамы и кавалеры, – возник рядом Колодяжный.

Пришлось повиноваться, тем более что ветер усилился, вызывая волнение на поверхности океана.

Десантников у люка в пост управления встретил лично капитан Брайдер.

Он тоже удивился, узнав Вербова, хотя и не подал виду. Протянул крепкую, как дубовый корень, руку.

– Приветствую на борту «Десны», полковник.

Вербов пожал руку, представил спутников.

– Есть где устроить моих бойцов, капитан?

– Разумеется, всё готово, хотя придётся занимать кубрики на двух человек. Я не ожидал, что среди вас будет...

– Девушка, – хмыкнул Лобанов, поглядывающий на Богушанскую с интересом.

– Вижу, – сухо сказал Брайдер, перевёл взгляд на Колодяжного. – Иван Петрович, уступи свою каюту.

– А я как же? – растерялся старпом.

– Расположишься со мной.

Колодяжный расстроился было, но вспомнив, что капитан «Десны» чуть ли не днюет и ночует на мостике, повеселел.

– Слушаюсь, товарищ капитан.

– Алексей Аполлинариевич, у меня к вам разговор, – сказал Вербов, расстёгивая ворот чёрного непромокаемого комбинезона.

Все десантники были экипированы в такие комбинезоны, как подводные пловцы-диверсанта.

– Идёмте. – Брайдер повернулся к открытой двери в пост.

Вербов двинулся за ним.

– Зайди потом ко мне, – сказал ему в спину Лобанов.

– Хорошо, – ответил Денис.

Было слышно, как Брайдер скомандовал:

– Погружение на триста!

– Прошу за мной, леди и джентльмены, – сказал Колодяжный.

Добрались до жилого отсека, бесшумно шагая по толстой пористой прорезиненной ленте, устилавшей металлический пол коридора.

Старпом устроил Богушанскую первой, показав ей свою каюту, распределил остальных членов группы по кубрикам подводников.

Лобанов хотел было поговорить с майором, но она закрыла за собой дверь каюты, не оглянувшись, и разочарованный Максим побрёл к себе в кубрик.

Вербов заявился к нему через четверть часа.

– Ну, рассказывай, бродяга! – нетерпеливо проговорил Максим, усаживая приятеля на койку.

– Что рассказывать? – сказал Вербов; вид у него был рассеянн-озабоченный.

– Во-первых, что произошло, во-вторых, как ты оказался в этой команде. Почему именно ты?

– Как оказался... – слабо улыбнулся Вербов, ничуть не изменившийся с тех пор, как они расстались в Мурманске после возвращения из-под льдов Северного полюса. – Как в фильме «Белое солнце пустыни», помнишь? «Ты как здесь оказался, Саид? – Стреляли...» А насчет почему я... а кто ещё? Начальство решило, что я самый опытный для такого мероприятия. Выдернули из Сирии и сразу сюда.

– Из Сирии? – удивился Лобанов. – Что ты там делал?

– Гербарий собирал, – усмехнулся Вербов.

– Понятно, секрет. Мог бы намекнуть старому другу, я на ЦРУ не работаю.

Лобанов осекся, вспоминая Вершинину, вовлечённую в игру спецслужб США и сыгравшую отрицательную роль вопреки своей наивной вере в бескорыстие кураторов ЦРУ.

– Не знаешь, где она? – спросил Максим после паузы.

– В Москве, – нехотя ответил Вербов. – К счастью, ей дали условный срок, так как она раскаялась и чистосердечно призналась в своих связях, чем серьёзно помогла федералам найти более крупную птицу. К тому же она помогла нам и в операции «Дикий норд». Но из службы её уволили. Теперь она работает в юридической конторе.

– Ты с ней...

Взгляд Вербова изменился. Такой взгляд у человека бывает, когда у него болит зуб.

– Мы расстались.

– Почему?

– Ты же знаешь её характер.

– Железо!

– Она считает, что после того, что произошло, не имеет права жить с человеком, который знает о её предательстве, пусть и вынужденном.

– Да, это на неё похоже. Хотя я бы на твоём месте приложил все усилия...

Вербов поморщился.

– Давай сменим тему, Макс. – Посмотрел на хронометр, способный работать под водой на большой глубине. – Мне надо проконтролировать разбор и погрузку оборудования на борт твоего «Краба». Проводишь?

– Конечно, пошли, – с готовностью поднялся Лобанов.

Они выбрались в коридор.

– Я понял, что ты так и не женился.

Вербов оглянулся с усмешкой на губах.

– И ты туда же. Все друзья хотят меня женить.

– Потому что люди не выносят, когда другому хорошо, как говорил юморист, – рассмеялся Лобанов, направляясь в кормовой отсек. – А эта красавица-майор, что с тобой...

– Инга Богушанская.

– Да, Инга, вот ведь совпадение? Вершинина тоже Инга. Она только оперативник или...

Вербов взялся за плечо подводника твёрдой рукой, развернул к себе.

– Макс, оставь свои плоские шутки! И не ляпни что-нибудь при ней, шею свернёт!

– Да я что, я без проблем, – смущённо отвёл взгляд Лобанов. – Красивая девушка. Не замужем?

Вербов отпустил приятеля, улыбнулся.

– Ты не исправим. Не замужем. Но губы не раскатывай, у неё высокая планка.

– Так и я вроде бы не низкий, – снова рассмеялся Лобанов.

В транспортном отсеке лодки горел свет.

Бойцы Вербова, в том числе и Богушанская, распаковывали контейнеры и длинные ящики, в которых оказались детали разобранных подводных дронов, подводных гидроциклов и какая-то аппаратура. Подчинённые Лобанова с интересом наблюдали за процессом, обмениваясь впечатлениями.

– Что захватили с собой? – спросил Лобанов.

– Связь, переносной гидролокатор, баролазы – водолазные костюмы особой конструкции, оружие.

– Оружие? Зачем?

– Никто не знает, что произошло в океане. Подводные лодки просто так не исчезают. Исключить ничего нельзя, возможно, придётся воевать.

– С кем? С американцами? Или со старогеями?

– С кем? – не понял Вербов.

– Наш океанолог так обозвал таинственных обитателей глубин. Убеждён, что они существуют с древних времён.

– Может быть, он прав. Легенды о древних морских обитателях не возникают на пустом месте. Возможно, гипербореи и атланты воевали не между собой, а с этими самыми старогейми и проиграли.

– Да ну! – восхитился Максим. – Классная идея! Подкину Виктору Степановичу, если не возражаешь.

– Кто это?

– Тот самый океанолог Шпачков.

– Подкинь. – Вербов начал помогать своим молчаливым спутникам разбирать груз и монтировать аппаратуру.

– Помогайте, чего стоите? – сказал Лобанов Комову и Пинчуку, наблюдая за деловитой, не обращавшей ни на кого внимания Богушанской. Заметил, что она приподнимает контейнер, поспешил к ней. – Разрешите, помогу, товарищ майор?

– Подержите, – согласилась она.

Лобанов взялся за угол, приподнял.

– Давно служите с Денисом?

– Три года. – Богушанская отстегнула петлю, кивнула. – Теперь другой конец. Ставьте.

– Вам лет двадцать, и уже майор?

Девушка посмотрела на него с иронией.

– Благодарю за комплимент, капитан. Очень остроумно. Мне тридцать.

Лобанов стушевался, но быстро нашёл ответ:

– Если женщина признаётся мужчине, что он очень остроумен, то другого такого дурака ещё поискать.

– Верное замечание.

Улыбка сползла с губ Максима.

Богушанская заметила реакцию, дотронулась до его локтя.

– Извините, я не хотела вас обидеть, у меня сегодня просто плохое настроение.

На душе отлегло. Максим не умел обижаться долго.

– Ничего, я сам напросился. Не хотите после погрузки посидеть в кают-компании, чайком побаловаться?

– Будет видно. Опускайте.

Он опустил ящик, отступил, понимая, что для первого знакомства слов сказано достаточно, подошёл к Вербову, вытаскивающему с одним из своих подчинённых обёрнутые плёнкой пеналы.

– Помочь?

– Покажи, где это можно разместить в твоём «Крабе», – обернулся тот.

– Всё?

– Всё.

– Идём. – Лобанов пропустил приятеля в мини-лодку, приказал мотористу освободить в хвостовом отсеке стеллажи и короба от лодочного инвентаря, не обращая внимания на его ворчание.

– Баролазы? – показал он на объёмистые пакеты с чёрными свёртками внутри, увенчанные конусовидными шлемами.

Вербов кивнул. Это были глубоководные российские водолазные костюмы гибкого типа, выдерживающие давление толщи воды в один километр и не требующие декомпрессии при подъёме на борт судна. Их ткань состояла из специального пеносостава, работающего как шкура кита и защищавшего тело ныряльщика от охлаждения.

– Почти такие же, какие мы использовали в Северном Ледовитом.

– А это?

Вербов покосился на гладкое металлическое рыло с двумя ручками, похожее на голову дельфина.

– «Сабвинг».

– Гидроцикл?

– Подводный буксировщик.

– Я таких не видел.

– Работает на любых глубинах. Может пригодиться.

– Форма необычная. Один?

– Два.

– Водолазных комбезов сколько? Тоже два?

– Мы привезли три, но один я оставлю на борту «Десны». Здесь и так всего много, затоварим твой батиплав сверх всяких норм. А ещё и нас придётся брать на борт.

– Всех? – Лобанов с сомнением глянул на крупногабаритных парней спецназа ГРУ.

– Будет видно.

– Так всё-таки что нам предстоит делать?

– Потом поговорим.

Через час закончили размещать привезенное оборудование в отсеках «Краба». Лодка за это время успела погрузиться на «стандартную антиспутниковую глубину» и пройти девяносто километров в направлении Гавайских островов. Ей предстояло преодолеть ещё три тысячи километров под водой, и Брайдер распорядился идти с максимальной скоростью. Время торопило. Сеанс связи с Москвой снова принёс негативное известие: ни АГС «Утёс», ни «Камчатка» на связь так и не вышли. А ещё зашевелились вдруг американцы, словно почуяли интерес потенциального противника к определённой району Тихого океана.

Лобанов и Вербов встретились в кают-компании, начавшей постепенно наполняться в основном пришлым народом. Делать было нечего, и пассажиры-эксперты, и пассажиры-специалисты собирались пообщаться и послушать интересные рассказы специалистов, имевших большой опыт в изучении неопознанных подводных объектов.

Не было только Богушанской. После окончания погрузки девушка уединилась в каюте старпома и больше не появлялась.

– Похоже, майорша не любит мужскую компанию, – пошутил Лобанов, поискав её глазами.

– Её отец в больнице, так что ей не до посиделок.

– Откуда ты знаешь?

Вербов налил себе кофе, добавил сливок.

– Я обязан знать такие вещи.

– Житейская история, все люди болеют, особенно в возрасте.

– Её отцу всего пятьдесят пять.

– Молодой ещё, сочувствую. Но ведь всё равно это житейская история. Чем он болеет?

– Сердце. Предынфарктное состояние.

– Выкарабкается, нынче медицина справляется с сердечными болезнями.

– Твои бы слова да богу в уши.

– Девчонку жалко, мог бы и не брать её с собой.

– Она наотрез отказалась оставаться дома. Не суйся к ней с жалостью. Она терпеть не может сочувствующих. Характер покруче, чем у Вершининой.

Лобанов тоже добавил в кофе сливок.

– За что ей дали майора?

– За разное, – ушёл от прямого ответа Вербов. – Знает четыре языка, классный рукопашник и великолепная актриса, что немаловажно в нашем деле.

– Ещё и красивая.

Вербов промолчал.

– Вспоминаешь наши походы?

– Это было в прошлой жизни.

– А что творится в Северном Ледовитом, не в курсе?

– Там на дне работает специальная экспедиция ФСБ.

– Нам уже не доверяют?

– Мы люди военные, куда пошлют, там и работаем. Ты хорошо знаешь научную группу?

– Так, средненько, только по беседам. А что?

– Надеюсь, на «Десне» нет представителей другой Семьи, недружественной нам?

Лобанов прищурился.

– Думаешь, и здесь есть заинтересованные в нашей работе личности?

– Всё может быть.

Внезапно всех сидящих в отсеке отдыха качнуло.

Разговоры стихли.

– Э-то ещё что такое? – прислушался к наступившей тишине Вербов. – Не на дно наткнулись?

– Не понимаю, – признался Лобанов, также превратившийся в слух. – Если бы мы наткнулись на скалу, слышали бы металлический скрежет. Тут что-то другое. К тому же мы снизили ход.

Включился динамик интеркома:

– Полковника Вербова просят зайти на мостик.

Друзья обменялись взглядами и одновременно встали, направляясь в коридор.

В центральном посту их ждал Брайдер.

– За нами кто-то следует, – сказал капитан бесстрастно.

Твердокаменное, в складках, тёмное лицо его было непроницаемо. Он посмотрел на Лобанова, сопровождавшего полковника ГРУ, но удалять из поста не стал.

– Точнее – следовал.

– Подводная лодка? – сказал Вербов. – Дрон?

– Нет, слишком большая масса для лодки, по нашим оценкам – более тридцати тысяч тонн. Таких дронов, да и субмарин тоже, никто не строит.

– Старогеи, – шутливо предположил Лобанов.

Брайдер посмотрел на него неприветливо, и Максим поспешил оправдаться:

– Тут всякое может померещиться.

– Аппаратуре ничего не может померещиться, она только фиксирует характеристики объекта. Он преследовал нас больше десяти минут, практически бесшумно, пока локатор заднего обзора не засёк сгущение воды за кормой.

– Сгущение?

– Так это выглядело, массивная тёмная струя. Как только мы начали прощупывать воду за кормой дополнительными сонарами и радаром, объект поднырнул под лодку и ушёл.

– Вот почему нас качнуло.

– Ничего, товарищ капитан, – произнёс кто-то из офицеров поста. – Вокруг чисто.

Брайдер оглянулся.

– Ещё поищите. – Повернулся к Вербову. – Мы остановились и выслали беспилотники. Но эта штуковина исчезла. Что прикажете делать, полковник?

Вербов помедлил, разглядывая светящиеся панели приборов поста.

– Выполнять приказ, Алексей Аполлинариевич. И будьте предельно бдительны, товарищ Шпачков прав, океан полон тайн, причём опасных тайн. Возвращайте дроны и включайте форсаж.

– Слушаюсь.

Вербов протянул ему руку, подтолкнул Лобанова к двери. Они вышли.

– Жаль, что «Десна» – не «Грозный», – сказал Максим с искренним сожалением. – Его торпеды нам бы не помешали.

Вербов не ответил, но в глубине души он был согласен с мнением товарища.

Глава 6

Суматоха на Гавайях

Командующий Южным военно-морским флотом Роберт Фенхель прибыл на остров Оаху, где располагалась база США, в двенадцать часов дня по местному времени. Вместе с ним прилетели начальник отдела стратегической географии РУМО⁴ Чак Картер, начальник разведки министерства обороны Уильям Перетта и глава отдела изучения аномальных явлений АНБ⁵ Лес Уайнбергер.

Сорокапятилетний Фенхель был вынослив, как и все негры, поэтому на шестичасовой перелёт не жаловался. Картер, которому исполнилось шестьдесят, выглядел как рыба, выброшенная на берег, длинные перелёты он не любил, к тому же страдал одышкой, и на него было жалко смотреть. Тем не менее от услуг медиков он отказался, и высокопоставленных чиновников военного министерства отправили в штаб ВМФ, где их ждал начальник Пёрл-Харбора Джеймс Болдуин, тоже негр, как и комфлота.

Через полчаса, приведя себя в порядок, собрались в кабинете Болдуина с видом на бухту Оаху. Кроме прибывших в совещании принял участие и командующий морскими силами Пёрл-Харбора контр-адмирал Марвин Шоммер, смуглолицесть которого указывала на его мексиканские корни.

– Кола, кофе? – предложил хозяин кабинета, глянув на командующего Тихоокеанским флотом.

– Потом, – сухо сказал Фенхель. – Сначала дела. Ситуация необычная, господа, требует немедленных действий. Сколько кораблей вы можете послать в океан?

Болдуин озадаченно пригладил коротко стриженные курчавые волосы.

– В море сейчас пять бортов, мы контролируем...

– Сколько?

– Эсминец «Фармер»... только что сменился, экипаж отдыхает. Может быть, ещё эсминец «Эрли Бёрк»... А что, господин адмирал?

– Этого мало. У вас пришвартован авианосец «Форд».

– На его борту ведутся профилактические работы...

– Придётся свернуть. К вам направлен авианосец «Трумен» в сопровождении двух эсминцев и двух противолодочных кораблей. На борту «Трумена» готов к спуску на воду глубоководный батиплав «Мистик».

– Не понимаю... зачем?

Фенхель посмотрел на сидевшего тихо какмышь начальника разведки министерства обороны.

– Билл, вам слово.

– Парни, по нашим данным, – зашелестел бестелесным голосом Уильям Перетта, – русских почему-то заинтересовал район океана к юго-западу от Гавайских островов, в трёхстах пятидесяти милях от нас. Туда направлена их атомная субмарина «Десна», занимавшаяся до этого обследованием дна в акватории Каролинских островов. Мало того, туда же, по нашим предположениям, была послана новая субмарина класса «Ясень» – «Камчатка».

⁴ РУМО – Разведывательное управление министерства обороны США.

⁵ АНБ – Агентство национальной безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.